

РОСТЕР

10 ОКТЯБРЬ 1975

КОСТЁР

10
ОКТЯБРЬ
1975

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издаётся с 1936 года
© „Костёр“, 1975 г.

Первые
комсомольские
билеты

ТВОЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

29 октября — праздник.
День рождения комсомола.

Для всех праздник. Для старшего брата — комсомольца и старшей сестры. Для папы и мамы, бабушки и дедушки — когда были молодыми, они тоже носили маленький алый значок и пели задорные и звонкие комсомольские песни, брались за любовь, пусть невероятно трудное дело, которое доверял им Ленинский Коммунистический Союз Молодежи, и всегда с честью его выполняли.

Для тебя, пионера, это тоже праздник.

Первые комсомольцы, ровесники Павки Корчагина. Их комсомольские билеты знали запах пороха от горячих боев революции. Их билеты злбно швыряли в огонь враги новой власти.

На первые советские стройки ехали парни и девушки с комсомольскими билетами — твои бабушки и дедушки.

А потом новое поколение молодых шло с комсомольскими билетами через фронты Великой Отечественной.

Горь поет, сияющий, как солнце.
Возглас:
— Будь готов!
— Всегда готов!
Пионеры — это комсомолы
Будущих стремительных годов!
Подрастайте, мужественны,
И настанет день, когда страна
Выйдет в комсомольские
путивки
Дорогие ваши имена.
Вы пойдете степью и тайгой,
Понимая: наш черед пришел
Строить,
Прославляя дорогое
Ленинское
слово —
КОМСОМОЛ!

Олег ДМИТРИЕВ

Торжественная линейка на Красной площади.
Герой Советского Союза И. И. Устинов поздравляет московскую
школьницу со вступлением в ВЛКСМ

Перед вами два комсомольских билета.
Один из них принадлежал Тимуре Фуззе, сыну легендарного полководца М. В. Фрунзе.
Другой билет носил у сердца рязанский парень Анатолий Морозов. Он погиб в 1972 году, спасая от пожара урожай.
Для комсомольских билетов, они напоминают нам о доблести и героизме Ленинского комсомола.

И многие билеты — в карманах гимнастеров, у самого сердца — пробили осколками, залила молодая кровь.

А потом молодежь. Страны Советов поднимала на руины разрушенные города, и строила новые, и расплачивала земную целины... Среди этих комсомольцев были твои мама и папа.

Придет день, и тебе торжественно вручат комсомольский красный билет. И ты начнешь писать свою строку в историю славного Комсомола.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
Республиканская
академическая библиотека
РСФСР

Б Ы Л Ь

По степному Заволжью Волга пробегает торопко. Земля здесь сухая и скудна растительностью.

Мы тянули нитку трубопровода для поливной плантации. Конец трассы спускался в балку, заполненную водой. Рядом, на крутом склоне под кустом боярышника, была нора. Бригадир спустился к воде напиться и притих: из норы торчали черный носишко и блестящие настороженные глаза. Лисенок увидел, что его заметили, и скрылся.

Вдоль трехкилометровой трассы разложены подготовленные к сварке стальные трубы полуметрового диаметра. Рядом траншея с торчачими из нее шарами серых пережаты-поле, загнанных туда ветром. Сварщик Яшка выставил электрод, когда из канавы высунулась острая мордочка с большими ушами.

— Глянь, кто пришел!

Монтажник Юрка бросил ком земли. Он гулко ударился о металл и рассыпался шлепками сухими крошками. Лисенок подбежал к упавшему неподалеку комку и понюхал. Страшно, пахнет врагом. Но ничего не случилось, и лисенок осмелел, подошел к людям ближе.

Вечерело. На тракторе зажгли фары. Как-то особенно радостно зарокотал уставший за день передвижной сварочный агрегат и умолк.

— Все, хватит, — Юрка собрал остатки ужина в большую алюминиевую миску и поставил поустойчивее на трубах. — Лисенок тоже есть захочет, — пояснил он и положил рядом куски хлеба.

Утром хлеб исчез, а рядом валялась перевернутая вылизанная посуда.

Трактор натужно потащил очередную плеть. Лисенок из норы с интересом поглядывал на ожившую трубу, на шумную машину и недовольно гавкнул по-собачьи. Внезапно вскочил на трубу и ловко прошелся по ней, оставляя пятячки следов.

Так и повелось. Пока люди подтаскивали и варили очередную партию труб, лисенок резвился неподалеку, то шаловливо прятался за гребнем траншеи, то подолгу лежал, настороженно наблюдая. И так допоздна, пока не потемнеет в вечерних сумерках лися нора и не сольется с наступающей темнотой.

Работу заканчивали. Подготавливали к испытанию длинную линию трубопровода.

— Все, заглушил трассу, — откладывая сварочный щиток, доложил Яшка и блаженно вытянулся на земле. — Можно привозить насосную станцию и закачивать воду.

— Добро, — сказал бригадир, — завтра и начнем.

Утром привезли станцию и установили на берегу. Опустили длинный зеленый хобот в воду. Механики загремели ключами, закручивая гайки.

Юрка подошел к норе, постучал и прислушался. Тихо. Оглядевшись вокруг — не видит ли кто, — лег на живот, снова прислушался. Тишина. Юрка отряхнулся и подошел к товарищам:

— Что-то нашего лиса не слышать. Яш, ты не видел его сегодня?

— Да нет, вроде. Вчера до полдня путался под ногами, грыз что-то, а потом исчез.

— Найдется, никуда не денется, проголодается — придет, — усмехнулся бригадир.

Начали вспоминать, когда видели его в последний раз, и выяснилось, что лисенок пропал вчера с обеда.

— Ладно, хватит спорить. Ты, Юра, иди по трассе, только не торопись. Проверь все, может, где-нибудь что-нибудь, а мы пока начнем воду накачивать в трубы. Скоро приедут гости, комиссия. Как проверишь, сейчас же назад, понял? В-о-он, смотри, газик пылит председательский, — показал он в степь рукой.

Толпа людей росла. Шли пешком, ехали на машинах и тракторах. Поле походило на праздничное гулянье. Скоро неуклюжая машина на огромных колесах медленно покатится вдоль трубы и ее длинные ажурные крылья засверкают потоками воды. И степь из рыжей сухой превратится в темную, влажную, а потом покроется робкими щетками зелени.

Вдакеле замаячил Юрка.

— Наконец-то! — облегченно вздохнул бригадир. — Давай помаленьку! — крикнул он механику.

Уркнул мотор, и зашелкала, зажурчала по трубам вода, заструилась невидимым потоком.

Красные глянцевого бока труб вспотели и покрылись капельками влаги. Гул толпы затих. Каждый наклонял голову, инстинктивно пригибался ниже, прислушивался к шуму воды и радостно улыбался.

Подбежал Юрка:

— Прекрати качать.

— Как это прекратить? — опешил механик.

— А вот так, — и Юрка отключил мотор.

— Да ты sdурел, что ли? — накинулся на него механик, отталкивая от насоса.

— Прекрати, — как-то устало процедил бригадир. — Лис там? — Он вопросительно посмотрел на монтажника. Юрка кивнул и молча закурил.

Подождал председатель:

— Иван Николаевич, ты чего это спускаешь воду-то? Что случилось?

— Да стык там... плохо проварен, вода бежит, — нахмурился Юрка.

— Да, да, сварка, — подтвердил бригадир. — Заглуши мотор совсем, — приказал он механику и пошел по трассе.

— Вот здесь он пицал и царапался, — показывал Юрка.

Монтажники притихли. Немые трубы уходили вдаль, поблескивая боками.

— Притих, — прошептал кто-то.

— Притихнешь, может, утопили животину.

— Да он, наверное, задохнулся уже.

— Не должен бы, я контрольные краны открыл, — сказал Юрка.

— Ну что будем делать, братва? — повернулся Иван Николаевич. — Работы на всю ночь, да и управимся ли к утру, черт его знает.

— Да закачать воду, чего уж там, люди ждут, — предложил Федор. — Поскулит, поскулит и потонет. Авось недолго: минута, две.

Бригадир внимательно посмотрел на Федора.

Все молчали, переминаясь. Уж больно соблазнительно открыты были трубы. И — без хлопот. Устали люди.

— А если тебя, Федька, вот так же, а?

— Я-то ведь человек, — оправдывался Федор, — а это скотина, зверь.

— Резать надо трассу, — сказал Юрка.

— Выручать нужно, живой же, — задумчиво проговорил кто-то. — Надо постепенно загнать его в конец трассы.

— Резать так резать, — зашумели монтажники.

На тракторе подъехал Яшка со сварочным агрегатом:

— Откуда начнем?

— А чего уж там, отсюда и начинай, — облегченно показал бригадир.

Загудела сварочная дуга, поднялся столб рыжего дыма, запахло горелым железом и

краской. Прорезали окно. Облили водой раскаленные края. Притихли, прислушиваясь. Подождали еще, но трубы молчали.

— Перегородите трубу прутьями и поехали дальше, а то за ночь не успеем, — торопил бригадир.

Небо посерело. Сварщик резал последнюю дыру недалеко от конца трассы.

— Стой, тише! — заорали на Яшку. Замерли, прислушиваясь. Опять тихо.

— Может, ошиблись? И лисенка нет в трубах, и вся эта бессонная ночь впустую?

И вдруг совсем рядом какой-то шорох. Посветили фонарем. В луче света блеснули две яркие точки глаз.

— Вот он! — заорал Юрка.

— Тише ты. Тащи полегоньку, — скомандовал Яшка. — Осторожно, лапы выкрутишь.

Лисенок хотел приподняться, но едва пошевелился. Что-то заурчало у него в горле.

— Ну, дурачок, — и Юрка ласково потрогал торчащие ушки.

Лисенок доверчиво уткнулся в жесткую брезентовую куртку и закрыл глаза.

— Давай, давай, — затормошил бригадир, — уже совсем светло, а дыра не заварена. Шевелитесь, черти!

Пострадавшего осторожно уложили на подстилку из травы. Лисенок благодарно шурлялся на вроде бы нечаянно подходивших монтажников.

— Чего это вы как именинники? — спросил подхвачивший председатель.

— А что? — улыбнулся бригадир. — И впрямь именинники. — Ну, давай закачивай воду, — сказал он механику. — Теперь все в порядке, — и присел на зашелкавшие от давления трубы.

Юван ШЕСТАЛОВ

ЛЮДИ ИЗ ПЕСНИ

Рисунки В. Цикоты

*Кен-кеным, кеным, кеным.
Дзин-дзон, стук-бряк.
Синий дым. Черный дым.
Начинаю песню так.*

*— Жилистый журавль мой,
Играй —*

*Комариком пищи,
Пургой завывай,
Засвищи щеглиным свистом,
Закатись ребячьим визгом,
Медведем реви,
Росомахой рычи,
Громом греми, чайкой кричи,
Грустящей девушкой*

*вздыхай, —
Думы века миру передай!
Кен-кеным, кеным, кеным.
Дзин-дзон, стук-бряк, о-гой.
Пой, журавлик мой. Пой!*

В руках Омельки пел торыг, многострунная мансийская арфа — журавль. В последнее время этот инструмент я видел только в музеях. И, казалось, больше никогда не услышу его мелодичный голос. Говорили, что не осталось ни одного манси, кто мог бы играть на нем.

И вот чудо: в глухой таежной деревушке поет журавль, вытянуво высоко свою длинную шею, будто стараясь заглянуть в пределы, недоступные обыкновенному взору.

И оживил его не кто-нибудь, а Емельян Анямов, потомственный охотник, человек из моего детства. Для меня просто Омелька. А коренные жители деревни зовут его Асхум, то есть человек с реки Оби. И я родом оттуда же. Может, потому мы оба так рады нашей встрече? Может, потому так вдохновенно в его руках пел журавль! Он рассказывал о деревушке Квайк-я, где родился Омелька и где жили мои де-

душка и бабушка. К ним привозили меня мои родители, когда начинался рыбный промысел.

Квайк-я тонула в лесу. Дома из-под деревьев бежали к реке. Река была тихая, как задушевная песня. Она ласкала взгляд серебристой гладью и дышала спокойствием. На самом берегу стояла избушка дедушки. На почерневших бревенчатых стенах висели рыболовные снасти: лук с колчаном, ружье. Ружье было кремневое. К нему были привязаны кожаная пороховница, зубы медведя, свистулька для приманки рябчиков, отвертка, кольца, монеты.

Главным среди этих вещей был небольшой медный божок. Сними его — и удачной охоты не будет. Так тогда почему-то я думал. Наверно, дедушка наивный. Из-за этого я боялся прикасаться к этому ружью. А были еще более «священные» ружья. Их называли пищальями. Красные от ржавчины, уродливые по форме, они казались самыми большими богатыми и хранились не дома, а в лабазе — амбарчике на четырех ногах-столбах. Лабаз, как избушка на курьих ножках, стоял под сенью кедра и, поднявшись над седыми мхами, точно прислушивался к вечному шуму леса. Этот шум нарушала сестренка Омельки, которая приходила в дом дедушки и с которой я любил играть. Тогда в игрушки превращалось все, что висело на стене. Мы без всякой боязни брали в руки лук. Пытались натягивать на тугую тетиву стрелы, что хранились в колчане из почерневшей кожи. Наконечники

стрел были железными, острыми, самых разных размеров и форм. Одни наконечники напоминали вилки, другие — ножи, третьи были с зубцами. У каждой стрелы свое назначение. Стрелой с зубцами били рыбу во время икрометания, когда она плескалась у берега в желтой прошлогодней траве. На зверя ходили с острыми, как ножи, стрелами. А деревянной стрелой с шаром глушили белку. Много стрел было у дедушки. Но ими уже не пользовались. У рыбаков появились сети, невода, у охотников — настоящие ружья. Но игрушками они были интересными. Нам даже казалось, что мы сами уходили в сказку. А дедушка мой знал много сказок. И его зачарованно слушали не только мы, но и сам Омелька, которого уже считали почти настоящим рыбаком и охотником, так как он помогал взрослым на промысле.

А я любил забегать в Омелькин дом. Кроме родственников Омельки, здесь всегда было много приезжих рыбаков, охотников. Они говорили о колхозе, о планах добычи, о других вещах окружающей жизни, которая уже не походила на дедушкину сказку. Это было тоже интересно.

Я вслушивался в их слова, стараясь разгадать их взрослый смысл. Иногда приставал к Омельке с вопросами. Он слушал меня почти как взрослый, потом отвечал, как настоящий колхозник. Я был благодарен ему за «всамделишную» сказку.

И вот через тридцать лет я снова вижу Омельку.

Омелька, оказывается, не только прекрасно знал про старое время и помнил былины, теперь уже почти забытые. Он умел мастерски «перелить» в музыку своего журавля то, что видел своими глазами.

Его журавль пел о людях, которые добывают нефть и газ, строят газопровод и компрессорные станции, проектируют новые города...

Несколько раз в песне прозвучали одни и те же слова: Ленинград, дочка, русский зять, геологи, Вережкин, компрессорная станция, вертолет... Омелька пел до позднего вечера. Слушая его, я как-то незаметно задремал.

А на другой день в деревушку прилетел вертолет и до меня стал доходить истинный смысл песни.

На шум вертолета открылись двери домов. Ребятишки, что-то крича, бежали в сторону реки, где приземлилась винтокрылая птица. В ту же сторону пронеслась целая свора собак и замерла в ожидании, точно гадая, кто же прилетел на сей раз.

Из кабины вышли трое. Это были начальник отдела строительства управления «Игримгаз» Николай Матвеевич Козлов, инженер Валерий Васильевич Шалимов и геолог Станислав Дмитриевич Вережкин, о котором пел накануне Омелька.

Мы познакомились. По просторному кедровому урмуну, где сквозь раскидистые ветви с сизо-зеленой хвоей виднеется плес Сосывы, Вережкин повел спутников к месту строительства компрессорной станции.

— Красотища! — не скрывал своего восхищения Шалимов.

— А вы, строители, сумеете сберечь эту красоту? Мы, как заказчики, хотели бы... — не договаривая, замер на месте Коз-

лов, глядя вслед пестрому рябчику.

— Рябчиков не обещаю. Но кедры постарается сохранить.

— Что значит «постараться»? — вступил в разговор Вережкин. — Вы их обязаны сохранить. Мы вели изыскательские работы, составляли проект так, чтобы и компрессорная станция, и новый поселок вписались в этот таежный пейзаж. А как иначе? Мы положили начало, ваше дело — завершить!

Вережкин говорил, чеканя каждую фразу, энергично размахивая руками. Возражать ему было нельзя, его можно было только слушать и соглашаться.

Но возражать ему никто не собирался. Все хорошо знали историю поселка Светлого, построенного комсомольско-молодежным отрядом на севере Ханты-Мансийского округа. Там тоже были кедровые рощи, и комсомольцы их сохранили.

Я с инженером приглядываю к Вережкину и думаю, откуда у этого ленинградца такая искренняя любовь к нашим мансийским лесам, к нашей маленькой деревушке. Может быть, потому, что вот уже целых десять лет он работает в этих краях.

Вечером того же дня я снова был у Омельки. В доме было шумно: Омелька пригласил всех родственников и велел им рассказывать о новостях жизни.

Из их рассказов я узнал, что в начале десятой пятилетки здесь будет завершено строительство газопровода Пунга—Вуктыл—Ухта, который соединит сеть магистральных газопроводов севера с центром страны. А компрессорная станция — один из объектов этого гигантского строительства.

И снова в разговоре то и дело слышалось: «Вережкин дал»,

«Вережкин сказал», «Вережкин прилетит».

Омелька сидел молча, торжественный и счастливый. Я заметил, как он внимательно слушал каждого и, полускрыв глаза, что-то неслышно шептал губами.

А потом, когда все новости были рассказаны и кое-кто из гостей стал повторяться, Омелька взял свой волшебный торыг. И опять запел многострунный журавль. Много было у него мелодий. Но в этой радужной мозаике трепетной струной звучал вот какой мотив:

*Буровые мастера
И строители дорог!
Как земля моя щедра!
Нефть — ее горячий сок,
Газ — ее горячий дух.
Армия богатырей!
Будьте ласковее с ней!*

*Сохраните в чистоте
Эти тропки, что вели
Попутку к речной воде
Дедушек моей земли.*

*Вот звериный вьется след,
Еще свежий, не простыл.
Здесь охотился мой дед,
Соболей отец ловил.*

*Буровые мастера
И строители дорог!
Как земля моя щедра!
Нефть — ее горячий сок,
Газ — ее горячий дух.
Армия богатырей,
Будьте ласковее с ней!*

*Газ становится огнем,
Все сметая на пути.
Если с ним шутить начнем —
Лес, прощай. Медведь,
прости!*

*Если нефтью Обь залить —
Язь, прости! Осетр, прощай!
Можно ль родину любить,
Не чадая родимый край?*

*Пусть же будут нефть и газ,
Лес и речка с серебром!
Чтобы внуки, вспоминая нас,
Помянули нас добром.*

ТРОЙКА С МИНУСОМ, ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ПЯТОМ „А“

ПОВЕСТЬ

Ирина ПИВОВАРОВА

Рисунки Ю. Шабанова

Пока Аня читала письмо, буквы и слова так и прыгали перед ее глазами и расплывались в туманные пятна. Сначала, честно говоря, она даже не понимала, о чем идет речь. Потом ей начало казаться, что это ошибка, что это письмо не ей. Но когда наконец она прочла все письмо, сомнений у нее больше не оставалось. Это прекрасное, замечательное письмо было адресовано ей и только ей. И писал его ученик шестого класса 628 школы Борис Дубов. Аня с трудом перевела дух.

Нет, Аня Залетаева не была «классной доской». Иначе не обрадовалась бы так она

письму Бори Дубова. Иначе не перечитывала бы его сорок один раз подряд. Иначе не кружилась бы с ним по комнате под вальс, который в это время как раз передавали по радио... Нет, Аня Залетаева не была «классной доской»! Просто ей ни разу в жизни еще никто не предлагал свою дружбу.

— Боря Дубов, Боря Дубов, — повторяла Аня. — Какое хорошее имя!..

Нельзя сказать, чтобы имя Бори Дубова было для Ани совершенно неизвестно.

Однажды, придя к маме на работу — тогда они с мамой должны были прямо с работы идти в гости к маминой подруге, она мельком видела Бори Дубова. На Боре была зеленая

клетчатая ковбойка и синие джинсы. Он стоял в очереди в институтской столовой и что-то увлеченно рассказывал высокому мужчине в сером костюме и голубой рубашке, своему папе Борису Борисовичу Дубову, о котором Аня много раз рассказывала ее мама, Ирина Васильевна, — он был ее начальник и что-то такое там изобрел у них на работе.

...Из репродуктора неслись нежные звуки вальса, и Аня с письмом в руках и бьющимся

от радости сердцем кружилась по комнате. Но вдруг она спохватилась, как бы не пришла раньше времени с работы мама и как бы не увидела она письмо от Бори Дубова...

Поэтому она аккуратно засунула письмо обратно в конверт, положила конверт в школьный дневник и спрятала дневник в портфель. «Потом уберу подальше!» — решила она. После этого Аня разложила на столе учебники и стала заниматься.

ВСТРЕЧА В ИНСТИТУТСКОЙ СТОЛОВОЙ

Час просидела она над учебником русского языка. Она почему-то никак не могла взять в толк, о чем говорится в учебнике.

— Имена существительные, — читала она, — бывают собственные и нарицательные...

И это, казалось, было очень просто. Ну, подумаешь, имена существительные бывают собственные и нарицательные! Но странно, Аня никак не могла понять, что это значит...

— Имена существительные, имена существительные, — твердила она, а потом начала вдруг думать: «А что это такое, «имена существительные»?.. Какие-то «имена существительные»? Что за «существительные»? И почему «имена»?

А потом она вспомнила: «Здравствуйте, Аня! Вам пишет Борис Дубов...»

И вместо имен существительных возникало перед Аней лицо Бори Дубова с прямыми смелыми бровями. Волосы и брови Аня помнила хорошо. Она только не помнила, какие у Бори Дубова глаза — светлые или темные? И вместо того чтобы учить правило по-русскому, она говорила себе:

— Светлые. Нет, не светлые... Темные. Нет, кажется, светлые...

И тут возникло в Ане Залетаевой помимо ее воли неожиданное и непреодолимое желание узнать, узнать немедленно, сию же минуту, светлые у Бори Дубова глаза или темные.

— А вдруг он сегодня опять придет в столовую? — подумала Аня, и староста и лучшая ученица пятого «а» отодвинула учебники и побежала в переднюю одеваться... Она решила ехать в мамин институт.

— Только загляну в столовую и вернусь, — сказала себе Аня. — Вот только загляну один разик, и все.

Залетаева Ирина Васильевна была немало удивлена, увидя так неожиданно перед собой свою собственную родную дочь.

— Анюта, — произнесла она. — В чем дело?! Почему ты здесь?

— Понимаешь, мамочка, — забормотала Аня. — Я... мне... Ну, я соскучилась... вот и приехала...

— Но кто тебе разрешил ехать одной в такую даль?

Аня не отвечала. Ей никто не разрешал ехать.

— Уроки ты по крайней мере сделала? — продолжала вопрошать Ирина Васильевна.

— Да, — сказала Аня. Вокруг стояли и глядели на нее мамнины сотрудницы, и она не решилась признаться в том, что уроки еще не сделала.

— Ах, Ирина Васильевна, какая у вас дочь уминая! — вздохнула одна из маминих сотрудниц Раиса Николаевна. — Не то что мой балбес. Он, по-моему, вообще уроков не делает.

— А моя посидит кое-как минут пятнадцать и на улицу. Никакого сладу с ней! — пожаловалась другая, имени которой Аня не знала.

— Да, — сказала третья. — Вам, товарищ Залетаева, позавидовать можно.

Залетаева Ирина Васильевна осталась, видимо, довольна такими приятными словами своих сотрудниц, и поэтому она взглянула на Аню уже не столь строго.

— Ты пообедала? — спросила она.

— Пообедала, — отвечала Аня. Но, спохватившись, сказала: — Но только я очень пить хочу, мамочка.

— Она пить хочет, — ласково заулыбались сотрудницы. — Молодая, набегалась... Ирина Васильевна, между прочим, у нас в буфете лимонад есть!

— Ну, пойдем, я угощу тебя лимонадом, — сказала Ирина Васильевна. — Но в следующий раз, пожалуйста, так не поступай. Предупреждай меня, по крайней мере.

И мама с дочерью отправились на третий этаж в институтскую столовую.

В столовой было уже мало народу. Обеденный перерыв кончился. Буфетчица поправляла в витрине буфета покосившуюся плитку шоколада «Аленка».

Мать и дочь Залетаевы взяли в буфете бутылку теплого лимонада и сели его пить.

Отворилась дверь столовой, и в нее вошли — Аню бросило в жар — высокий подтянутый мужчина в темно-сером костюме и мальчик в ковбойке, но на этот раз не в зеленой, а в синей с коричневым.

Да-да, это были Борис Борисович Дубов и его сын Боря Дубов, ученик шестого класса 628 средней школы.

Войдя в столовую, оба остановились и как будто бы растерялись. Оживленный разговор

между ними мигом прекратился, и казалось, что они тут же забыли об этом разговоре. Выражение их лиц переменилось. Смеющееся лицо мужчины сразу стало растерянным и несколько ошарашенным, а веселое и беззаботное лицо мальчика, наоборот, приняло суровый и, мы бы даже сказали, вызывающий вид.

Дубовы смотрели на Залетаевых. Залетаевы смотрели на Дубовых.

Впрочем, мы выражаемся неточно. Не все Дубовы смотрели на Залетаевых, и не все Залетаевы смотрели на Дубовых. Аня Залетаева не смотрела на Дубовых. Она смотрела в стакан с лимонадом. И смотрела она в него с таким пристальным интересом, как будто там плавала золотая рыбка. А Боря Дубов тоже вовсе не смотрел ни на каких Залетаевых. Все его внимание было приковано к большому шоколадному набору, красовавшемуся на самом видном месте буфетной стойки. Наверное, Боря Дубов особенно любил шоколадные наборы.

Итак, Борис Борисович Дубов смотрел на Ирину Васильевну Залетаеву, а Ирина Васильевна Залетаева смотрела на Бориса Борисовича Дубова. Лицо Бориса Борисовича снова приняло из растерянного прежнее приветливое выражение, и он, слегка наклонив голову, вежливо произнес:

— Добрый день, Ирина Васильевна.

Лицо Аниной мамы осветилось приятной и любезной улыбкой.

— Здравствуйте, Борис Борисович, — с готовностью отозвалась она. — А мы вот тут лимонад пьем... Присоединитесь...

— Спасибо, Ирина Васильевна, — ответил Борис Борисович. И при этом он очень быстро и внимательно взглянул на своего сына, который с неприступным и гордым видом оглядывал теперь в витрине банку баклажанной икры.

— Ну как, Борис Борисыч, составим компанию?.. — спросил отец. Мальчику ничего не оставалось как кивнуть. Впрочем, банка баклажанной икры по-прежнему его очень занимала. Наверное, он и к баклажанной икре был неравнодушен.

Волосы у Дубова-младшего были светлые и кудрявые. Он был высокого роста, наверно, в отца. И вообще он был очень похож на отца.

— А мы вот тут с дочкой... — говорила Ирина Васильевна, пока Борис Борисович ставил на стол еще две бутылки лимонада. — Представляете, явилась вдруг моя красавица, пря-

мо как снег на голову. Я даже испугалась — ведь мы на другом конце города живем!..

При этих словах Борис Борисович опять как бы невзначай взглянул на сына, а сын его нахмурился и как-то странно дернул головой...

— А она, видите ли, соскучилась, — продолжала Анина мама и в знак того, что больше не сердится, кокетливо дернула Аню за косичку, на что Аня тоже нахмурилась и тоже, как Боря, дернула головой.

— Гм, — сказал Борис Борисович. — Вашу дочь, кажется, зовут Аня?

— Да, Анечка, — отозвалась Анина мама. — Я назвала ее так в честь ее бабушки... Анюта, почему ты молчишь? Ты ведешь себя неприлично. Поздоровайся с Борисом Борисовичем!

— Здравствуйте, — выдавила из себя Аня, не поднимая глаз от стакана.

— Здравствуйте, — вежливо ответил Борис Борисович. — А теперь разрешите, Ирина Васильевна, познакомиться вас и вашу дочь с моим сыном.

И он опять быстро и даже с некоторой тревогой посмотрел на сына.

— О, да! Конечно! — обрадовалась Ирина Васильевна. — У вас такой милый сын! Со всем большим.

— Анюта, ну познакомься же! Ну протяни мальчику руку!.. Аня, ну что с тобой?!

Отчаянным усилием воли Аня оторвала взгляд от стакана и переместила его куда-то на середину груди Бори Дубова, туда, где на клетчатом кармане был приколот значок с портретом Гагарина.

Протянутая рука ее была холодна как лед.

Как во сне она ощутила слабое пожатие и с большим трудом вернула руку в прежнее положение, т. е. согнула ее в локте и положила на колени, на школьный черный фартук.

От лимонада и Боря и Аня дружно отказались.

— Ну вот и познакомились, — ласково сказала Ирина Васильевна, с беспокойством глядя на застывшую Аню.

— Что ж, пора работать, — сказал Борис Борисович. — Мы засиделись.

И все четверо стали подниматься, причем Боря Дубов уронил стул.

А потом все направилось по ковровой дорожке вон из научно-исследовательской столовой. Первыми шли Борис Борисович Дубов и Анина мама.

„ВСЕ ПРОПАЛО“

Дорога домой была ужасной.

Аня то сидела на мягком сидении в поезде метро, то вскакивала, то снова садилась. Потом она для чего-то пересела в соседний вагон, но от этого ей лучше не стало. Она вспоминала встречу в столовой и даже закрывала глаза от мучительного стыда.

«Дура! Идиотка! — ругала себя Аня. — Все

испортила! Все!!! Дура ненормальная! Сумасшедшая! — и она даже щипала себя незаметно для других. — Вот тебе! Вот тебе! — говорила она. — Как бревно сидела! Как будто тебя всю клеем обмазали! Ты что же это делаешь, а?! Ты что же мне все испортила?! Да разве захочет с такой балдой Боря Дубов дружить? И правильно делает, если не захочет.

Правильно сделает! И поделом тебе будет! Поделом!» — И она снова щипала себя сквозь карман, где щипаться было больнее, потому что там была только подкладка.

Хорошо, что другого кармана у Ани не было, иначе она могла прямо насмерть себя защищать! Все-таки мы должны признаться, что это было неумно с ее стороны. Она совсем была не виновата. Все девочки-пятиклассницы застенчивы! Ну разве только Тося Одуванчикова представляет исключение! Ну, может, еще и Гвоздева с Собакиной!

Но Аня этого не знала. Ей казалось, что только она одна такая глупая, бестолковая, неловкая... Вместо того чтобы поговорить о чем-нибудь с Борей, ну хотя бы о марках или о кино, сидела и молчала, как чучело огородное, и Боря, наверное, подумал, что она просто не хочет с ним разговаривать.

Но она ошибалась. Боря этого не думал. В то время, пока Аня ехала в метро и что есть силы щипала себя за правый бок, Боря Дубов шел по улице и чуть не плакал от досады.

«Все пропало! — думал он. — Все пропало!»

Придя домой, они оба раскрыли тетради, разложили на столе учебники и, не прикоснувшись к ним более, просидели за столом до самого вечера, мрачно уставившись в одну точку.

Итак, в этот полный волнений день Аня Залетаева не сделала ни одного урока.

Не сделала, заметьте, первый раз в жизни.

И все, может быть, было бы и ничего — ну что ж тут, в конце концов, страшного, если ученик один раз в жизни не выучил урока?!

Да, тут, как на грех, случилось. Но. Ах, если бы не это НО! И откуда оно только взялось?! И как раз именно тогда, когда меньше всего его ждали!

Итак, все может быть, и обошлось бы гладко для Ани Залетаевой, но как раз на следующий день учитель математики объявил вдруг контрольную, чтобы проверить, как усвоили учащиеся пятого «а» вчерашнее домашнее задание...

КОНТРОЛЬНАЯ

— Приготовьте чистый лист бумаги, — сказал Сергей Федорович. — Сейчас будет проверочная контрольная.

При этих, казалось бы, совершенно обычных словах с классом произошло что-то необыкновенное. Страшное потрясение вырази-

лось на многих лицах. Многие глаза уставились на Сергея Федоровича с таким ужасом, как будто бы Сергей Федорович был вовсе не маленьким толстеньким человеком с веселой круглой лысиной на макушке, а был он, скажем, каким-нибудь слонопотамом из сказки «Винни-Пух».

Многие руки быстро заскользили внутрь столов, где в портфелях лежали учебники по математике, и стали со стремительной быстротой перелистывать эти самые учебники... Но Сергей Федорович прервал это запоздалое занятие.

— Учебники и тетради убрать! — заявил он. — Приготовили чистые листы? Диктую задачу...

Тося Одуванчикова кончила писать задачу и посмотрела вокруг.

Она сразу же решила не напрягать свои умственные способности, потому что, во-первых, она точно знала, что этих способностей у нее нет, а во-вторых, не могла же она ни с того ни с сего решить задачу, которую видела первый раз в жизни. Это было бы чудом, а в чудеса Тося не верила.

Тося вздохнула. Впрочем, без особого огорчения. Она знала, что все будет в порядке, что ей можно не волноваться. Она знала, что Вера Пантелеева скорее всего решит задачу. Вера сидела у нее за спиной, и Тосе нечего было беспокоиться. Вера Пантелеева умела решать задачи не хуже Ани Залетаевой. И к тому же Вера Пантелеева стала за это время лучшей подружкой Тоси Одуванчиковой. Как, впрочем, и Таня Гвоздева, и Нина Собакина, и Тамара Павлихина, да и почти все остальные девочки в классе. Не Пантелеева, так еще кто-нибудь непременно подкинет ответ. Ну и конечно, как только она его спишет, она тут же пошлет его Алику Спичкину... А как же, конечно тут же пошлет!

Тося обернулась и посмотрела на Алику. Алик, весь красный и сердитый, возился с задачей.

«Не может решить, — подумала Тося. — Бедный Алик!»

— Одуванчикова, — сказал Сергей Федорович. — Извертелась совершенно. Даже на контрольную не можешь спокойно посидеть...

Тося сделала виноватое лицо, провела рукой по своим густым красивым волосам, заправила за ухо прядку, чтобы было как у киноактрисы Галины Польских, и стала водить рукой по промокашке, чтобы Сергей Федорович увидел, как она изо всех сил решает контрольную.

Слева от Тоси сидела Аня Залетаева и что-то сосредоточенно подсчитывала на промокашке. «У, вредная, — подумала про себя Тося Одуванчикова. — Отличница какая нашлась! Воображала...»

Но подумав так, Тося не испытала совершенно никакой злости. Честно говоря, она уже

не сердилась на Аню Залетаеву. Такой уж характер был у Тоси Одуванчиковой — она не могла долго сердиться. Ей давно уже хотелось заговорить с Аней, только она боялась. Она была уверена, что гордая Аня ни за что в жизни не станет разговаривать с ней после того, что было...

«И зачем я тогда сказала про «классную доску», — ругала себя Тося. — Ну зачем?! Теперь она мне всю жизнь не простит. И будет права. И что же я за гадкий такой человек! Да мало ли что ее Гвоздева с Собакиной «классной доской» прозвали! Ну и что? Вовсе она не «классная доска». И уж если так-то разозлиться, то Аня Залетаева, например, гораздо лучше, чем эти же Гвоздева и Собакина... Уж она-то никогда за спиной ничего хорошего про своих одноклассников не говорит. А они говорят. И хихикают. И делают всякие знаки. А если тот, над кем они хихикают, оборачивается к ним лицом, они тут же принимают самый невинный вид».

Нет, Аня Залетаева совсем не такая. Если ей что-нибудь не нравится, она прямо в глаза говорит. Ну, может, она, конечно, и чересчур уж принципиальная — это да, с этим Тося бы согласилась, но зато она круглая отличница, и учителя всегда ставят ее в пример. А Гвоздеву с Собакиной не ставят. И не говорят про них, что они самые дисциплинированные и самые аккуратные... А про Аню говорят. И это чистая правда. Тося даже не могла себе представить, как это у Ани хватало терпения выслушивать все подряд объяснения учителей. Лично у Тоси — она сама это знала — никогда не хватало. А уж у Гвоздевой и Собакиной и подавно.

Обо всем этом думала теперь Тося, рисуя ручкой на промокашке цветочки и поглядывая искоса на Аню.

Но Аня не замечала этот взгляд. Она решала задачу.

Вид у Ани был странный. Она сидела бледная, терла рукой лоб и, уставившись в тетрадь, грызла свою пластмассовую лиловую ручку.

Тося настожила.

Аня перестала грызть ручку и стала быстро писать на листе.

Потом она вдруг перечеркнула написанное, и бедная ручка прямо затрещала под ее зубами.

Первый раз за весь месяц Тося Одуванчикова увидела, что Аня волнуется. И волнуется ужасно.

На глазах Тоси творилось что-то странное — Аня Залетаева не могла решить контрольную.

Лоб у Ани вспотел. Промокашка была вся истерзана. На ручке виднелись отчетливые следы зубов.

...И тут Тося ощутила сзади несильный толчок в спину.

Так и есть. Вера Пантелеева решила задачу.

Тося согнула в локте руку и незаметно сунула ее за спину. Тосины пальцы ощутили сложенную гладкую бумажку.

Молодец Пантелеева! Не подвела!..

Тося развернула бумажку перед собой, и ровно через три минуты задача была списана.

После этого Тося свернула шпаргалку и хо-

тела перебросить ее Алику Спичкину, но Сергей Федорович как раз прохаживался по узенькому проходу между их столами.

Тося с жадностью поглядела на несчастное лицо Алика.

И тут по всем этажам, по всем коридорам и классам зазвенел звонок.

„СПАСАЙСЯ! АГАФОНОВ!..“

Алик ждал Тосю в раздевалке.

— Ну как, решила? — спросил он.

— Да что ты, Алик! — сказала Тося. — Верка писать дала... А ты?

— А я и решать не стал, — сказал Алик. Зря только силы тратить... Сама подумай, зачем мне математика?! Пусть пару ставят, мне все равно.

— Ну, все же неприятно, — сказала Тося.

— Да чего неприятного? — сказал Алик. — Что я, математиком стать собираюсь? Да я буду преступников выслеживать! Я в милиции работать буду. Вот, я тут один журнал принес. «Человек и Закон». Интересный, закачаешься! Это тебе не математика!

И пока их одноклассники, толкаясь в раздевалке, напяливали впопыхах на себя пальто и шапки, Алик ответил Тосю в сторонку, вынул из портфеля журнал «Человек и Закон» и открыл в заложенном месте.

— Вот читай, — сказал он. — Имей в виду, это я только тебе показываю. Остальные в этом ни черта не смыслят. Безмозглые какие-то личности.

— Ужасно интересно! — сказала Тося, не понимая ни слова и поражаясь, какой Алик умный.

— Эй, Тоська, ты идешь домой? — крикнул ей Гвоздева с Собакиной. — Чего это ты там со Спичкиным расселась?

— Идите без меня, — сказала Тося. — У меня дело есть.

— Ой, держите меня, дело! — сказала Собакина.

— Жених и невеста! — крикнула Гвоздева. Тося возмущенно вскочила.

— Не обращай внимания! — сказал Алик. — Я же говорю — безмозглые личности! Представляю, как они все глаза вылупят, когда нам министр внутренних дел награду даст! Они тогда не то запоят!

— Какую награду?!

— За поимку опасного преступника, — сказал Алик. — А ты что думаешь, это просто — взял, поймай и все? Нет, за это награда полагается! Золотые часы или еще что-нибудь. Сам министр нам руку будет жать!

Алик даже зажмурился, представляя эти отрадные и приятные мгновения. На его руке уже как будто вспыхнули золотом часы. И он даже поднес было левую руку к уху, чтобы послушать их нежное тиканье... Но тут мимо них, близко-близко, прошествовал вялой походкой неизвестно откуда взявшийся Агафо-

нов, и часы, горевшие нестерпимым блеском на руке Алика, померкли, и вместе с ними померк мечтательный взгляд Алика Спичкина.

С некоторой тревогой Тося и Алик проследили, как Агафонов небрежным жестом водрузил себе на макушку облезлую шапку, как сунул руки в рукава пальто и как пошел, не застегиваясь, к дверям, и только тогда, подождав еще минут пять для верности, тоже встали и пошли одеваться.

Раздевалка пятого «а» была уже почти пуста. Только одна Анина шубка висела в углу. Но Алик и Тося не обратили на нее внимания. Грозный образ двоечника и хулигана занимал сейчас все их мысли.

— Странный тип, — сказала Тося. — Ты заметил, как он на нас посмотрел? У меня прямо мурашки по спине поползли! И чего ему от нас надо?!

Помнишь, когда мы с тобой тогда возвращались, и ты домой пошла, — сказал Алик, — я иду... И вдруг чувствую ужасающий удар по голове! Я чуть сознание не потерял!.. Оборачиваюсь и вижу — он. Стоит, понимаешь, и такую нахальную морду скорчил!

Я говорю:

— Ах, так? Ты драться, говорю, вздумал? Ну, так получай!.. И как дам ему головой в живот! Он так и полетел вверх тормашками!.. Я считаю, с хулиганами только так надо поступать! Хулиганов жалеть нельзя! Правильно?

— Правильно, — неуверенно сказала Тося, не глядя в глаза Алику и краснея до корней волос.

— Зачем он так? — подумала Тося. — Странно...

Они открыли школьную дубовую дверь и вышли на улицу.

На улице светило солнце, падал крупный снег и не было в помине никакого Агафонова.

— Ну вот, а ты боялась! — сказал Алик.

И они двинулись вперед и прошли уже шагов пятнадцать по безлюдной, усаженной деревьями улице, как вдруг твердый, как камень, снежок ударил Тосю в плечо.

— Ой! — вскрикнула Тося, и не успела она сообразить, в чем дело, как целая туча снежков замелькала перед ее глазами, и один из них попал ей в голову, другой — в ногу, а третий, видно, попал в Алика, потому что Алик, держась за глаз, с криком: «Спасайся! Агафонов!..» — бросился бежать в неизвестном направлении.

ТРОЙКА С МИНУСОМ

Слав злополучную контрольную, Аня побрела домой. На душе у нее было скверно.

«Что завтра будет? Ой, что будет?.. — думала она по дороге... — Неужели «два»? Неужели я получу двойку?»

От этой мысли ей делалось так тошно, что она мотала головой, чтобы ее прогнать и не думать о том, что будет завтра.

Но не думать о завтрашнем дне было невозможно. С каждой секундой, с каждой минутой, с каждым часом к Ане неумолимо приближался этот завтрашний день, и как ни надеялась Аня Залетаева на то, что завтра не настанет, — завтра настало.

Оно настало с темноты, внезапно освещенной резким электрическим светом, с тишины, перечеркнутой громкой музыкой и веселым голосом из репродуктора: «Здравствуйте, товарищи! Начинаем нашу утреннюю гимнастику...» Потом оно затормозило Аню душистой маминой рукой в широком малиновом рукаве. Потом забулькало холодной водой из крана. Потом оставило неприятный привкус лесной зубной пасты на Аниных деснах и языке. Потом запахло жареной яичницей и кофе с молоком... А потом все это кончилось. И началась длинная темная улица, и липкий мокрый снег сверху, и пронизывающий ветер...

Но Аня согласна была целый день идти под этим отвратительным мокрым снегом, который целился ей прямо в лицо, под этим ветром, который срывал с нее шапку и лез за шиворот, лишь бы как можно дольше не приходиться сегодня в школу.

Сегодня ей не хотелось видеть школьных огней. Сегодня она шла медленнее обычного...

И вот настал урок математики.

Как-то особенно неприятно и визгливо зазвонил звонок, и в класс вошел Сергей Федорович.

— Может быть, он еще не проверил? — с отчаянной надеждой подумала Аня Залетаева, глядя на добродушное лицо Сергея Федоровича. Но Сергей Федорович полез в портфель и вынул оттуда пачку белых тетрадных листов. Сердце у Ани оборвалось.

— Отличились, — укоризненно произнес Сергей Федорович и помахал в воздухе белой пачкой. — Полкласса двоек. Федоров, раздай контрольные.

Дежурный по классу Федоров встал и пошел раздавать контрольные.

Какое глупое у него, оказывается, лицо!

Как он быстро выхватывает из пачки контрольные и как небрежно кидает их на столы! Вот уже лежит белый листок перед Валей Малаховой и перед Рудиком Антонченко, уже получила контрольную Тамара Павлихина, и, тихо охнув, уже развернули свои контрольные Гвоздева с Собакиной... Федоров все ближе, ближе... Постой, Федоров! Остановись! За-

ри! Федоров, с пачкой контрольных в руках! Куда ты торопишься? Кто тебя гонит? Ты что, автомат какой-нибудь. Робот ты, что ли? Остановись! Разве ты не видишь, как умоляюще смотрят на тебя глаза отличницы и старосты класса Ани Залетаевой? Ну погоди!.. Ну сплотились ты, что ли! Ну урони на пол оставшиеся контрольные! Пусть рассыпятся по полу. Пусть разлетятся по всему классу белой стайкой, чтобы можно было долго-долго собирать их, ползая на коленках под столами... Долго-долго, до самого звонка.

Эх, Федоров, Федоров! Равнодушный ты человек! Спокойно ждешь ты свою заслуженную троечку, и не можешь ты, Федоров, понять чужую беду! Неумолимо, как злой рок, приближаешься ты к Ане Залетаевой, и она даже закрывает на секунду глаза, чтобы не видеть, не видеть твоего лица...

...Когда она их открывает, на столе перед ней лежит контрольная. Ровным крупным (самым красивым в классе) почерком написано на обложке «Залетаева А., пятый „а“».

Помертвевшей рукой Аня Залетаева переворачивает страницу...

Ох, не дай бог нам пережить такое! Получать всю жизнь одни только круглые пятёрки, а в один прекрасный (вернее ужасный) день обнаружить под своей контрольной...

Нет, не двойка красовалась на второй странице. Там, под нерешенной задачей, была выведена красным карандашом твердой, не знающей сомнений учительской рукой огромная круглая тройка с длиннющим мерзким минусом.

От этого зрелища Аню передернуло.

Она быстро прикрыла лист рукой и метнула взгляд в сторону Тоси, не видала ли она?

Но Тосе было не до этого.

Тося была занята созерцанием своего листа. На ее круглом розовом лице было написано такое великое и неподдельное изумление, что Аня, как ни была убита горем, невольно заглянула в ее лист.

Там стояла двойка.

Аня видела, как Тося повернулась и с немым укором поглядела на сидевшую сзади Пантелееву.

Но Пантелеевой было не до того. Полными слез глазами она глядела вниз на свой лист, на котором тоже красовалась двойка.

Трясущимися руками Аня убрала контрольную в портфель и щелкнула замком.

Все кончено.

Аня не слышала, как ее одноклассники гремели стульями. Она не видела, как они складывали портфели и один за другим покидали класс.

Она ничего не видела и не слышала. В полной неподвижности сидела она, не сводя глаз с блестящего замка портфеля, и крупные сле-

зы шлепались к ней на колени и расплзались маленькими мокрыми пятнышками на ее знаменитом, служившем постоянным укором для многих других, всегда опрятном и отутюженном фартуке.

«Все кончено, — думала Аня. — Все произошло».

Перед невидящим взглядом потерпевшей крушение отличницы вставали торжествующие Гвоздева с Собакиной, и до ее ушей долетали произносимые ими свистящим шепотом слова:

— Воображала! Так ей и надо! Пусть не задается. Уж теперь-то она ни за что не выйдет в отличницы!

А после проплывали мимо ее мысленного взора радостная Одуванчикова и хмурый Спичкин, и она отчетливо слышала, как Спичкин говорит:

— Ну и староста! Тройки с минусом получает. Переизбрать ее надо.

Ну, а потом перед глазами Ани Залетаевой встала и вовсе уж страшная картина:

Боря Дубов подходит к ней на новогоднем вечере, и на лице его — презрение, и он говорит ей:

— Так я и думал! Мало того, что ты двух слов связать не можешь! Сидишь как бревно... Так ты еще, оказывается, и не отличница?! И чего это мне в голову пришло с тобой дружить?

И Боря Дубов поворачивается и уходит. Он идет мимо белых колонн, мимо блестящей елки, мимо радостных первоклассников, и Аня знает, что он уходит навсегда.

Тут слезы из-Аниных глаз закапали так часто, что сухих просветов на фартуке совсем уже не осталось.

КЛАССНЫЙ ЖУРНАЛ

Солнце сверкало в стеклах, скакало зайчиком по светло-салатным стенам, улыбалось строгому портрету Менделеева и гладило мягкими теплыми руками Анину голову.

Веселые пылинки плясали в воздухе. Ветер из форточки двигал на полу возле доски мягкую бумажку и тихонько перелистывал на учительском столе белые листы классного

журнала, оставленного там после уроков рас-
сезанной Ниной Петровной.

Аня подняла голову.

С тоской оглядела она сияющий от солнца пятый «а», через силу взглянула в строгие глаза Менделеева, отвела взгляд, увидела на столе забытый классный журнал, который с тихим шуршанием играл своими разлинованными листами, и с ненавистью воззрилась на него.

Там, в этом журнале, между его белых страниц, которые она сама часто заполняла своим круглым ровным, аккуратным почерком, где-то в самой середине, притаился теперь Анин враг, Анин позор на всю жизнь — отвратительная злая толстая жаба, ненавистная тройка с минусом.

Хоть бы он провалился куда-нибудь, этот журнал! Хоть бы он исчез, как будто его и не было! Хоть бы вылетел сейчас, на глазах у Ани, в форточку! Ну неужели никогда в жизни не может произойти хоть маленькое, ну хоть самое пустячное чудо: врывается в пятый «а» снежный вихрь, с воем кружит по классу классный журнал, и треплет его, и рвет на клочки, и уносит с собой неизвестно куда!

И тут Аня вскочила. Странные и, мы бы даже сказали, дикие мысли пришли ей в голову, и от этих мыслей у Ани закружилась голова. А что, если?.. Что, если взять журнал и выкинуть? Пока не поздно, пока не видела тройки с минусом Нина Петровна, пока не выставила она отметок в четверти!

«А Сергей Федорович?! — тут же остановила она сама себя. И тут же ответила самой себе: — Ну и что, Сергей Федорович забудет, какие отметки он ставил за контрольную, и даст всем новую контрольную, и уж я ее, конечно же, решу на пятерку! Конечно же! Конечно! Нельзя терять времени! Надо скорее куда-нибудь деть журнал — ведь все дело в нем, в журнале!

Надо его выбросить в мусоропровод.

Сжечь.

Разорвать на клочки.

Закопать в землю».

И не помня себя, совершенно потеряв голову и забыв обо всем на свете, отличница и староста Аня Залетаева стала подкрадываться к журналу, как подкрадываются, наверное, к мине замедленного действия или к ядовитой змее.

И вот уже несется гордость класса вниз по

школьной лестнице с классным журналом в портфеле. Вот она хватает в раздевалке пальто. Кое-как натягивает на голову шапку и выскакивает из школы.

Аня, опомнись! Куда ты бежишь? Зачем ты несешь в портфеле классный журнал? Ведь учительница Нина Петровна сейчас вспомнит о нем и вернется в класс!

...Аня неслась как угорелая.

— Совсем осатанели, — проворчала старушка за ее спиной. — Куда бегут?! Куда бегут?! С ума посходили...

Аня бежала.

Синяя шапка сползла на затылок. Волосы выбились из-под шапки и лезли на глаза. Суслицы шубка распахнулась. Пионерский галстук съехал набок. Ни за что бы мы не узнали сейчас в этой растрепанной запыхавшейся девочке всегда такую подтянутую и сдержанную Аню Залетаеву.

Ах, Аня, Аня! Что ты натворила?! Остановись! Опомнись! Вернись назад!

Опомнилась Аня только за два квартала от школы. Бег ее внезапно стал замедляться. Потом она пошла все медленнее. И наконец остановилась, тяжело дыша и еле переводя дыхание.

— Куда это я бегу? — повторила Аня. — И что это я такое сделала?

Сказав это, она снова недоуменно оглянулась и провела рукою по лбу.

— Что-то не пойму, — сказала она. — Я, кажется, его... украла?

Ей показалось, что слова, которые она только что вполне сказала, громким эхом разнеслись по тихому переулку, и она вздрогнула.

— Тише, — сказала она самой себе. — Ты что, с ума сошла, так кричишь? — И она испуганно оглянулась.

Но через минуту:

— Куда ты идешь? — спросила она у самой себя. — Ты что, не понимаешь?.. Ты украла классный журнал!

И вдруг внезапно и до самого конца Аня поняла страшную ужасную вещь — она, Аня Залетаева, только что украла классный журнал.

— Какой ужас! — подумала она, холодея. — Зачем я это сделала?! Надо немедленно положить его обратно.

Она повернулась и, не думая ни минуты, бросилась назад.

„ЧТО С ТОБОЙ, ПОРТФЕЛЬ?“

Классный руководитель пятого «а» Нина Петровна шла по коридору в учительскую. В руках она несла стопку тетрадей по письменному русскому.

Нина Петровна вошла в учительскую. Положила линейку в шкафчик, засунула тетради

ки в сумку и вдруг вспомнила, что оставила в классе классный журнал.

— Ты куда? — спросила ее Надежда Вениаминовна, учительница по ботанике.

— Сейчас приду, — сказала Нина Петровна. — Не уходи без меня. Понимаешь, я журнал забыла в классе.

спешила к столу и стала по очереди выдвигать и вдвигать ящики...

Ни в одном журнале не оказалось.

На полу журнал не валялся.

Нину Петровну пробила мелкая, неприятная дрожь.

Но тут она услышала громоханье ведер, доносившееся из коридора, и с облегчением подумала:

«Тетя Вася... Ну конечно же, тетя Вася взяла...»

И она выскочила из класса и побежала искать нянечку Василису Терентьевну, которую вся школа называла тетей Васей.

— Василиса Терентьевна, вы не брали журнал в пятом «а»? — еще издали крикнула Нина Петровна.

— Какой журнал? — сердито сказала тетя Вася. — Знать ничего не знаю!

У Нины Петровны пересохло в горле.

Уже не помня об усталости, Нина Петровна снова бросилась в класс. Осмотрела все подряд подоконники. Заглянула во все подряд столы.

Журнал исчез.

Подбежав к школьному крыльцу, совершенно выбившаяся из сил, Аня вскарабкалась снова по лестнице на четвертый этаж, распахнула дверь пятого «а»... и — о ужас! — увидела прямо перед собой классную руководительницу пятого «а» Нину Петровну. Ноги у Ани подкосились, и она вынуждена была ухватиться за дверной косяк.

— Здравствуйте, Нина Петровна, — упавшим голосом проговорила она.

— Это ты, Аня? — довольно рассеянно отвечала ей учительница. — Здравствуй... Ах да, ведь мы же здоровались сегодня!

Говоря это, Нина Петровна то выдвигала, то вдвигала ящики учительского стола и растерянно оглядывалась.

— Странно, — сказала она. — Очень странно...

Аня следила за ней немигающими глазами.

— Ничего не понимаю, — сказала учительница. — Я оставила его здесь после уроков, я точно знаю... Куда он мог деться, ума не приложу?!

Аня не отвечала. Если бы учительница не была так занята поисками журнала, она увидела бы, как Анино лицо покрылось красными пятнами.

— А почему ты вернулась? — вдруг спросила Нина Петровна.

— Я... я... я ручку свою забыла, — заикаясь, пробормотала Аня.

— А что же ты ее не берешь? — услышала она.

— Сейчас возьму, — испуганно сказала Аня и пошла к своему столу.

Нина Петровна проводила ее глазами.

В ящике Аниного стола, естественно, ручки не оказалось.

— Что? Тоже не нашла? — встревоженно спросила Нина Петровна.

И пошла наверх.
Она открыла классную дверь.
В глаза ей ударило солнце.
Щурясь, она пошла за журналом к окну...
На окне журнала не было.
Нина Петровна потрогала пальцами теплый подоконник, оглянулась, посмотрела на стол.
И на столе не было.
Нина Петровна, уже слегка нервничая, по-

— Н-нет, — пробормотала Аня.

— Да что же это такое? — сказала Нина Петровна. — Что же это делается. Неужели в нашем классе завелись воры? — И она горестно всплеснула руками.

При слове «воры» Аня Залетаева вздрогнула.

— Ужасно неприятная история, — сказала Нина Петровна. — Ужасно неприятная... Пропал классный журнал.

Она сидела на своем стуле совершенно расстроенная и доверчиво глядела на Аню. Нина Петровна была совсем еще молодая учительница и классным руководителем в их классе была всего два года, ровно два года, с тех пор, как кончила институт.

— Что же делать, а? — спросила она Аню. — Ведь этого так оставлять нельзя, как ты думаешь?

— Нельзя, — прошептала Аня.

— Вот, Аня, — сокрушенно сказала Нина Петровна. — Вот какие дела творятся в нашем классе. Разве тебе пришло бы когда-нибудь в голову, что такое может у нас произойти!

И вдруг Аня решила.

— Нина Петровна! — с отчаянием сказала Аня. — Это я... Это я... — и она замялась, не в силах выговорить ужасных слов.

— Нет-нет, не говори! — горячо перебила ее Нина Петровна. — Ты тут ни при чем. Это моя вина. Если в моем классе происходит такое, значит, или плохой классный руководитель, или после этих слов молодая классная руководительница пятого «а» Васильева Нина Петровна обхватила голову руками и понурилась.

— Батюшки! — заглянула в дверь школьная нянечка тетя Вася с ведром и тряпкой в руках... — Никого нет, а они спят! — И она, громящая ведром, вошла в класс. — Вы чего это, милая, пригорюнились? Идите домой. Мне убраться надо.

И Нина Петровна с Аней Залетаевой вышли из класса.

— До свидания, Аня, — печально сказала Нина Петровна. — Иди, отдыхай, набирайся сил для завтрашнего дня. Там будет тяжелый. Придется нам с тобой завтра провести срочное классное собрание.

Что с тобой, портфель?

Отчего ты так тяжел, будто набит свинцом, или кирпичами, или слитками золота, а не лежат в тебе два учебника, три тетради и один единственный классный журнал?

Что с вами, ноги?

Отчего вы плететесь так медленно? Отчего при каждом шаге вас так трудно оторвать от земли, как будто земля смазана столярным клеем?

Что с вами, ноги? Ведь вам же не восемьдесят, не сто, вам же всего только двенадцать лет?

И отчего так длинна дорога домой? Никак не дойти...

И отчего так смотрит этот прохожий с чемоданом. В самом деле, отчего он так смотрит?.. Неужели он угадал? Неужели он догадался, что Аня...

Аня невольно ускорила шаг. Прохожий на той стороне тоже ускорил шаг и что-то сказал ей, она не расслышала.

Анимо сердце бешено заколотилось. Да, этот прохожий все знает. Чемодан он взял для виду. Сейчас он догонит Аню. Сейчас схватит ее за руку. Сейчас поведет в милицию...

Аня пошла еще быстрее.

Прохожий тоже.

Аня побежала. Прохожий вытянул руку и бросился за ней.

Через секунду Аня услышала за спиной его громкое дыхание.

— Поймай, девочка! — крикнул прохожий. — Это ты vareжку потеряла?

БЕССОННАЯ НОЧЬ НИНЫ ПЕТРОВНЫ

Всю ночь не спала классный руководитель пятого «а» Васильева Нина Петровна. Беспокойные и тревожные мысли одолевали классного руководителя Нину Петровну. Беспокойные и тревожные мысли.

«Кто?.. — думала Нина Петровна. — Кто, кто мог это сделать? Кому, ну кому понадобился классный журнал?»

И она снова в который раз принималась перебирать в уме всех по очереди своих учеников и снова не могла ни на ком остановиться.

«Федоров? — спрашивала она саму себя и отвечала сама себе. — Да какой там Федоров! Смешно подумать!.. Рудик Антонченко?.. Да нет же, чепуха. Рудик и карандаша чужого не возьмет!.. Гвоздева с Собакиной?.. Ну уж нет, извините. Они такого не делают!.. Может, новенькая, Тося Одуванчикова? Может, звеньева, Вера Пантелеева? Может, староста, Аня

Залетаева?.. — Но тут она даже усмехалась от нелепости таких предположений и говорила самой себе: «Ты, видно, совсем с ума сошла! Как тебе в голову взбрело такое?»

Так по очереди перебирала всех своих пятиклассников Нина Петровна и с уверенностью отметала каждого, пока не доходила очередь до Агафонов. И тут происходила заминка. Тут Нина Петровна спотыкалась. Именно в этом месте она вскакивала с постели и включала настольную лампу или бежала на кухню ставить чайник. И под мирное бульканье чайника, сидя в ночной рубашке в кухне за столом и обхватив голову руками, думала Нина Петровна Васильева такие вещи:

«Он. Агафонов. Он.»

И в третий раз наливала себе чай и пила его, волнуясь и обжигаясь. И, выпив стакан, снова приходила к трудному решению:

«Нет. Не Агафонов. Не он...»

Не мог он меня обмануть. Не мог. Ведь он же мне дал твердое обещание. Он мне дал слово исправиться. И я ему верю.

И она шла и ложилась, и снова мучительный вопрос «кто?» не давал ей покоя.

— Ниночка, ты не спишь? — в который раз спрашивала ее мама из соседней комнаты, когда она в который раз включала свет.

— Сплю, мамочка, — отвечала Нина Петровна. — Не беспокойся, я сплю...

ЗА ДВЕ МИНУТЫ ДО ЗВОНКА

Очень были удивлены ученики пятого «а», когда увидели, что классный руководитель ставит отметки не в классный журнал, как было заведено во все вековые времена, а в какую-то обыкновенную тетрадку в клеточку.

Таня Гвоздева, которая все всегда замечала первая, хотя и сидела за четвертым столом, даже сказала по этому поводу своей подруге Вале Собакиной:

— Погляди-ка, Валька! Чего это она, а?

На что Валя Собакина, не отличавшаяся таким острым зрением, как ее подруга Таня Гвоздева, но зато отличавшаяся не менее острым любопытством, отвечала, вытянув вперед шею и глядя на учительский стол из-за головы Трофимова и Кадушкиной:

— Ага. Чудно. Правда, Таньк?

При этом, должны мы вам сказать, ни от Гвоздевой, ни от Собакиной не ускользнуло странное выражение лица Нины Петровны и синие круги под ее глазами.

— Ниночка сегодня какая-то не такая, — сказала Таня Гвоздева, многозначительно взглянув на Валю Собакину.

— Ага, — сказала Валя Собакина, многозначительно взглянув на Нину Петровну. — Интересно, что это с ней?.. И журнала почему нету!

— Странно, — сказала Таня Гвоздева, поглядев на Валю Собакину.

— Странно, — сказала Валя Собакина, поглядев на Таню Гвоздеву.

Потом они обе повернули головы и поглядели на Тосю Одуванчикову.

— Тоська, — свистящим шепотом одновременно произнесли обе.

Тося Одуванчикова подняла голову от стола и поглядела на Гвоздеву и Собакину.

— Гляди, — произнесли шепотом Гвоздева и Собакина и показали глазами на учительский стол.

Тосины глаза проследовали за их взглядом. В них тоже отражалось удивление.

Тося повернулась к Вере Пантелеевой...

Вера Пантелеева повернулась к Стасику Мордюкову.

Стасик Мордюков повернулся к Рудику Антонченко...

И через пять минут весь пятый «а» был до краев наполнен удивлением.

Теперь все глаза смотрели на учительский

И все думала, и думала, и думала.

Под утро ей приснился Агафонов, который стоял на крыше высотного дома и размахивал огромным классным журналом. А из журнала, как стаи птиц, вылетали разноцветные отметки — зеленые двойки, оранжевые тройки, темно-синие четверки, белые пятерки — и с громким пластмассовым стуком сыпались сверху на мостовую.

стол, а все головы строили самые разные догадки и предположения. В самых разных углах класса уже поднимался тихий значительный гул, который говорил о том, что споры и обсуждения по поводу неожиданной загадки начались. В правом углу говорили: «Забыла». В левом — «потеряла». Где-то посередине утверждали, что классные журналы теперь вообще отменили. Словом, мнения разделялись.

Гвоздева и Собакина, страшно довольные тем, что им с такой потрясающей легкостью удалось устроить прямо на уроке водоворот общественного мнения, вертелись во все стороны и, как на иголках, подпрыгивали на местах, собирая со всех концов класса последние догадки и предположения.

— Гвоздева и Собакина, прекратите вертеться, — сказала Нина Петровна. — Не мешайте своему товарищу отвечать урок.

Возле доски, с мелом в руках, стоял Алик Спичкин, переминался с ноги на ногу, тер грязной рукой лоб, подчеркивал вместо суффиксов союзы... И, глядя на то, как он все это делал, можно было помереть от зевоты. Да, если бы пятый «а» не был так возбужден отсутствием журнала и странным видом Нины Петровны, то Алик Спичкин давно погрузил бы его в тяжелое дремотное состояние.

— Суффиксы бывают... Э-э-э... Бывают... — таянул Алик Спичкин.

Слушать это было невыносимо.

— Садись, Спичкин, — укоризненно произнесла Нина Петровна. — Ставлю тебе три с минусом.

Спичкин оживился и пошел на место. По дороге к своему столу он все более распрямлялся, и наконец вид у него стал из только что унылого и сгорбленного важной и гордой. Спичкин не знал урока и был доволен и горд, что Нина Петровна поставила ему не двойку, как он заслужил, а три с минусом. Ему было приятно, что все своими глазами увидели и своими ушами услышали, как Нина Петровна к нему хорошо относится.

До звонка оставалось две минуты. Нина Петровна закрыла тетрадку и встала.

В классе было тихо. Все, как по команде, подняли головы и уставились на Нину Петровну. Все как будто чего-то ждали.

— Я должна сказать вам одну неприятную вещь, — тихо проговорила Нина Петровна. —

В нашем классе произошло... произошла... И Нина Петровна замялась, не в силах выговорить слово, которое жгло ей язык, — страшное слово «кража».

Молчащий пятый «а» не сводил с нее глаз. И тогда Нина Петровна собралась с духом:

— Вчера в нашем классе произошла очень неприятная вещь. После уроков я оставила в классе классный журнал, а когда вернулась, его уже не было. Он исчез.

При этих словах Алик Спичкин подскочил на месте, Тося Одуванчикова схватилась за голову, Гвоздева и Собакина, как по команде, охнули, Федоров со свистом втянул в себя воздух и выпустил глаза. Ира Сыркина, наоборот, закрыла глаза и беззвучно открыла рот, Рудик Антонченко схватил себя за нос и изо всех сил его дернул, что происходило с ним только в минуты наивысшего волнения, а Витя Синицын сказал: «Вот это да!»

После этого снова наступило безмолвие.

Но в безмолвии том чуткая Нина Петровна почувствовала тревожные нотки, ибо это безмолвие напомнило взволнованной Нине Петровне безмолвие леса перед надвигающейся бурей.

Нина Петровна взглянула на сидящих перед ней Гвоздеву и Собакину. Они как будто оцепенели. Их спины вытянулись. Их лица подались вперед. Они жадно ловили каждое ее слово. Они хотели знать, что же дальше?.. Дальше-то что?!

— Ребята, — сказала Нина Петровна: — Я думаю, что это недоразумение. И даю вам два дня. Я надеюсь, что не позже чем через два дня журнал вернется на свое прежнее место... До свидания, ребята.

И Нина Петровна повернулась и вышла из класса.

ПИОНЕРСКОЕ СОБРАНИЕ

И тогда с пятым «а» произошло что-то страшное.

Пятый «а» взорвался.

Грохот и осколки ударили в светло-салатные стены, и задрожал от грохота учительский стол, и стекла задребезжали во всех четырех окнах, и закачалась над классом электрическая лампочка, и свалился со стены гербарий.

Менделеев на портрете высоко поднял брови и осуждающе взглянул прямо перед собой, в пространство между партами и потолком,

сотрясаемое одновременно тридцатью семью пронзительными голосами, грохотом тридцати семи отодвигаемых стульев и взмахами тридцати семи пар рук.

Ни один самый догадливый человек не смог бы понять, что тут происходит. О чем кричат во все горло эти восемнадцать мальчишек и девятнадцать девочек и чего они хотят?

Только два человека во всем классе хранили молчание. И это были круглая отличница и гордость класса Аня Залетаева и круглый

двоечник и мелкий хулиган Сергей Агафонов. В общем невообразимом шуме Аня Залетова сидела тихо-тихо. Она пристально глядела на желтую полированную крышку стола, и ни кровинки не было в ее лице.

А Сергей Агафонов, сложив руки на груди, с таким невозмутимым и бесстрастным видом глядел перед собой, как будто он находился в тихом скверике, где клевали крошки стайки воробьев, а на лавках дремали старики и старушки.

За дверь заливался звонок, но не было его слышно в пятом «а». А только было слышно в пятом «а», как из раздражающего уши шума вылетели отдельные крики: «Мусорное ведро!», «Журнал!», «Форточка!», «Воры!».

И вот когда этот страшный гвалт дошел до последней степени и когда у любого из вошедших могла бы уже просто лопнуть голова, — в этот момент вышла вперед председатель совета Ира Сыркина и подняла руку. И странное дело, шум, как по команде, стих.

Все глядели на Иру Сыркину, девочку с черными кудрявыми волосами и двумя красными председательскими полосками, пришитыми к правому рукаву. Сразу было видно, что пятый «а» уважает своего председателя отряда.

— Никто не выходит из класса, —скомандовала Ира.

Но никто и не думал выходить. Даже Агафонов не думал.

— Садитесь по местам, —скомандовала Ира Сыркина. — Сбор отряда. Высказываться будем по очереди...

Пятый «а» охотно подчинился. Авторитет Иры Сыркиной действовал безукоризненно.

За дверь гулкой радостной толпой проносились отдыхающие от умственной нагрузки пятый «б» и пятый «в», а пятый «а» в полном составе сидел в классе.

— Кто первый хочет высказаться? — сурово спросила Ира Сыркина.

— Я! — в один голос выкрикнули двенадцать человек и встали за столами. Остальные двадцать четыре тоже закричали:

— Я! Я! Я! — и вытянули вперед руки.

— Тише! — приказала Ира Сыркина. — Не все сразу! Синицын, высказывайся!

— Его воры стащили! — не успев встать, закричал Витя Синицын. — Я знаю! Я точно знаю! Сейчас бандитская банда в Москве есть. Она классные журналы похищает!

— Чепуха! — отрезала Ира Сыркина. — Гвоздева, говори!

— Его нянечка в мусорное ведро кинула, — волнуясь заговорила Таня Гвоздева. — Вот помереть мне на этом месте, нянечка... Она, наверно, подумала, что это просто так, какая-нибудь книжка ненужная...

— Тетя Вася, в отличие от тебя, книжки на помойку не выкидывает, — не дослушав ее, сказала Ира Сыркина.

— Это я книжки выкидываю?! — возмущенно закричала Гвоздева, но ее перебил Се-

ня Мордюков, который вдруг выкрикнул прямо с места и без очереди:

— Да нет, он в форточку улетел. Был сквозняк, и он — фьють — и в форточку...

— Правильно, правильно, — подхватила Кадушкина. — Запросто, в форточку! Да какие там воры! Кому он нужен, его воровать?! Да мне сто рублей заплати, я бы его не взяла!

— А мне тысячу! — заявил Сеня Мордюков.

— А мне — миллион!... — А мне секстillion!... — А мне сто миллиардов! — раздалось в разных углах класса, и снова поднялся шум.

Ира Сыркина недовольно поморщилась.

— Ближе к делу! — сказала она. — Ну что вы все чепуху какую-то говорите! Ну при чем тут деньги? Как вам только не стыдно! Мы же выясняем, куда делся журнал!

И тут с места поднялся Алик Спичкин.

Щеки его горели.

Глаза его... О! Глаза его были сейчас какими-то страшными! В них что-то было такое... Какая-то тайна, что ли. Да, да, мы не побоимся этого слова! Именно тайна светилась сейчас в глазах Алика Спичкина. И встал он так важно и так торжественно... Все взоры невольно обратились к Алику. А Алик встал и секунду помолчал, видимо, для пушей важности.

— Я знаю, куда делся журнал. Тут некоторые заявляют, что его не стащили!.. А его стащили! (Слово «стащили» Алик произнес чрезвычайно отчетливо, медленно и громко). Да, да, его стащили. И я это докажу.

Пум! И Алик, как подкошенный, плюхнулся на свой стул. Это твердая нога сидящего за спиной Агафопова, внезапно вытянувшись, пнула Алика под колени.

— Ага! — закричал с места Алик. — Вот видите? Мне не дают сказать! Мне зажимают рот! Но пусть все слышат — меня не запугаешь! Я разоблачу это подлое преступление! Преступник будет наказан!

И, обернувшись, он с бесстрашным видом поглядел прямо в невозмутимые желтые глаза Сергея Агафопова.

В лице Агафопова не дрогнул ни один мускул.

— И-эх! — сказал Агафонов. Он глядел на Алика так, как глядят на таракана или на какую-нибудь летучую мышь, и всему классу было видно, что по каким-то причинам Сергей Агафонов не слишком любит Алика Спичкина. Даже, наверное, и вовсе терпеть его не может...

— Молюсь бесхвостая, — сказал Агафонов.

— Агафонов! Как тебе не стыдно! — закричала до глубины души оскорбленная за Алика Тося Одуванчикова. — Бесовестный! Ира, скажи ему, чтобы он покинул наше собрание!

— А мне плевать на ваше собрание, — невозмутимо отвечивал Агафонов и, не дожидаясь особого приглашения, вразвалочку вышел в дверь.

И снова все закричали и зашумели...

Но тут зазвонил звонок и кратковременное пионерское собрание кончилось, так и не принеся никаких результатов.

„ОН СТОЯЛ ЗА ДЕРЕВОМ“

Тося и Алик шли домой. Щеки у них горели от возбуждения.
— Алик, — говорила Тося, — а ты что, в самом деле подозреваешь Агафонова? А? Алик?..

— Может, и его, — туманно отвечал Алик.

— Алик, а почему, почему? — спрашивала Тося.

— Узнаешь, когда время придет, — говорил Алик.

— Алик, ну, А-а-лик!... — взмолилась Тося, не выносившая никаких тайн, — ну скажи, пожалуйста! Ну, прошу тебя! Ну, как это ты понял? Ты что, ВИДЕЛ?

— Видел, — вдруг коротко сказал Алик, и Тося прямо вздрогнула от этого короткого слова.

— Алик, а что ты видел? — с порозовевшими щеками, осыпшим от волнения голосом, почти шепотом спросила Тося.

— Я видел, как он стоял за деревом, — многозначительно и важно произнес Алик. — Видала, когда мы вчера из школы выходили, — сказал Алик, — он за деревом стоял?

— Не видала, — чистосердечно призналась Тося.

— Вот в том-то и дело, что не видала, — сказал Алик. — А надо видеть! Настоящий сыщик ничего из виду не упускает!.. А зачем он там стоял, знаешь?

— Нас ждал, — наивно сказала Тося. — Он специально снежки приготовил.

— Плохо ты соображаешь! — сказал Алик. — Он ждал, когда все разойдется...

— Ой! — поняла Тося. Значит, он хотел вернуться в класс за журналом?

Тося, восхищенная Аликиной сообразительностью, молчала.

— Вот так-то, — сказал Алик. — Я по всей Москве преступников искал, а они между нами ходят! У себя под боком надо было глядеть. Большая была ошибка! Ну, ничего. Теперь-то я докажу, на что я способен!

— Алик, а можно я тебе опять буду помогать? — попросила Тося. — Я ведь этого Агафонова терпеть не могу!

— Нет, — твердо сказал Алик. — Я сам его разоблачу. Я хочу, чтобы все в классе поняли, кто я такой и на что я способен.

— Алик, а ты его не боишься? — спросила Тося. — Ведь он такой отчаянный!..

— Еще чего, — сказал Алик. — Все теперь от меня зависит.

Когда на следующий день Нина Петровна вошла в класс, она первым же делом кинула быстрый взгляд на учительский стол.

Но журнала на столе не было.

Зато на перемене к ней подошел с таинственным видом Алик Спичкин.

— Нина Петровна, можно вас на минутку? — сказал он, оглядываясь по сторонам. — Мне вам кое-что сказать надо.

— Я тебя слушаю, Алик, — сказала Нина Петровна.

— Нина Петровна, я не могу больше молчать! — вдруг горячо заговорил Алик Спичкин. И снова оглянулся.

— Да в чем дело, Алик? — сказала встревоженная Нина Петровна.

— А дело в том, что я знаю, кто журнал стащил! — выпалил Алик и опять тревожно посмотрел по сторонам.

Нина Петровна побледнела.

— Кто-нибудь в нашем классе?

— Агафонов, — сказал, как отрезал, Алик. — А больше я вам пока ничего не скажу.

Очень скверно было на душе Нины Петровны после этого разговора. Очень, очень скверно.

Окончание следует

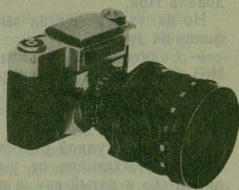
МОЙ ПАПА НЕ ФОТОГРАФ

Мой папа моряк. На большом теплоходе он плавает в дальние страны.

Пока теплоход выгружает груз, папа берет свой фотоаппарат и идет на берег. Папа любит фотографировать детей. Он говорит, что детей снимать легко, потому что они любят сниматься. Эти снимки он сделал в портах Южной Америки.

Аня Гессель

5 «а» класс, школа № 192,
Ленинград

Комсомол — это юности имя,
Это смелых и сильных пути,
Мы растем, мы хотим быть такими,
Чтоб навеки с тобою идти.
Мы летим к тебе сердцем крылатым
И, мужая за партами школ,
Лучшим другом своим, старшим братом
Называем тебя, КОМСОМЛ!

Г. ТРИФОНОВ

ЖУРНАЛ ЮНКОРОВ «КОСТРА»

Оформление Л. Каминского

ВЕСТИ С ПИОНЕРСКИХ МАРШРУТОВ

РАЗЫСКИВАЮТСЯ ЮНГИ

Когда нас в пионеры приняли, мы стали бороться за присвоение отряда имени героя Савы Ковалева. Стали метаться на ком собирать людей, кто его знал, разыскивать. На Соловецких островах Белого моря была школа юнг, и там, кроме Савы, еще два тысячи ребят обучались. Потом все юнги на фронт поехали, ковали на всех океанах. Мы стали юнг искать! И нашли! У нас пойдет человек нашли. Переноску с ними завязали.

Собирается музей организовать — музей юнг!

Лена Пятрикеева,
4-й класс, 34 школа, Казань

ЗВЕЗДА ТАНКИСТОВ

Я живу именно там, где было знаменитое сражение на Курской дуге. До присоединения фашистов у нас в селе стоял танковый резерв и два палаточных госпиталя. Танкисты выступали с концертами перед жителями и ранеными. Они выкопали в земле площадки — скенку. Она напоминала пистолетную звезду. И вот тревога! Танкисты ушли на знаменитое Прохоровское поле, да так на-

зад и не вернулись. Танкистов нет, а звезда осталась. На ней белые рожицы растут. Я сюда приехать люблю. Старшая предстает себе, как все было...

Нет у нас в селе друзей палмантино, но не может так быть, чтобы все погибши, ни одного человека не оставили! Надей!

Сергей Меньшиков,
Курская область, село Сараевка

ОПЕРАЦИЯ «ПОИСК-30» ПРОДОЛЖАЕТСЯ

У нас в селе есть памятник погибшим юнкам. Нам удалось найти адрес одного из погибших бойцов. Теперь знаем, где он до войны жил. Скоро к нам его родственники придут. Школу нам построят.

30 ветеранов живут и работают в нашем селе, а 63 человека с войны не вернулось. Среди них два комманданта и два дедушки. Они погибли героями. Я горжусь ими.

Люда Давыдович,
6 класс,
Воршобовская область, село Герасовка

Пришло письмо!

Надя Курченко. Хотим быть достойным имени этого комсомола. Мальчишки сначала отнеслись ко всем делам и планам отряда равнодушно, но мы устроили КВН между мальчишками и девочками, и это помогло. Мальчишки тоже увлеклись работой.

Сейчас шествуем над второклассниками, проводим конкурсы на лучшего чтеца вообще и на лучшего чтеца по-английски...

В классе у нас теперь стопроцентная успеваемость, и наш отряд поставил перед собой цель — стать правополитовым. Мы переписываемся с мамой Надя. Собираемся съездить в Голландию, на ее родину. Там есть памятник юнгам.

Галия Русская,
Шумовская АССР, село Сестры

А вот другое письмо:

Наш отряд носит имя Нады Курченко, но, к сожалению, нам его придется переименовать и назвать имя другого героя, потому что у нас нет портрета героини...

Марина Балабуркина,
Оренбургская область

я отказываю. Из-за этого они называют меня жадной и самолюбивой человеком. Много раз я думаю, что не все-таки нужно сделать, чтобы дружить с девочками!

Я понимаю слово «жадина» — это кто не дает какой-нибудь предмет или вещь, то есть не хочет поделиться.

Но если я буду давать спешать, то этим сделаю им хуже. Разве я не права?

Но если я не буду поступать дальше!

Давайте мы списывать или дадим!

Света Булазюкова,
Первомайск
Горьковской области

ДАВАТЬ СПИСЫВАТЬ ИЛИ НЕ ДАВАТЬ?

У нас в классе, где я учусь, двенадцать девочек. У одного из девочек имени не нравится. Я учусь хорошо. Когда девочки у меня попросят дать списать или ответить на вопрос по учебнику предмету (кстати, не него дан ответ в книге),

Вот какой у нас учитель

(ПИСЬМА ИЗ ДЕРЕВНИ КОВЛИМНО МОГДОВСКОЙ АССР)

Самый хороший и добрый человек, которого я знаю, это Николай Петрович Бишникин — наш учитель математики и классный руководитель. Он пришел к нам в прошлом году. Сначала мы отнеслись к нему не очень хорошо: до него сменилось много классных руководителей. Но с каждым днем мы убеждались, какой это замечательный человек! Справедливый, отзывчивый. Ко всем относится одинаково справедливо, уж если у тебя что-то случилось, грустно тебе — сразу заметит. Обязательно скажет так, что тебе станет веселее, легче. Когда он с нами, нам так хорошо!

С нетерпением ждем его урока.

Татья Атамашина

Мои любимые предметы — алгебра и геометрия. Почему? Да потому что Николай Петрович помог понять цену этих предметов. Он не только сам отлично знает математику, но и нас тоже учит математику. В «войны» нас в этот предмет не учили: считали, что математика — это дополнительные занятия, решаем задачи повышенной трудности в общем комсомольском клубе. На урок он приходит жгуче заинтересованным, энергичным.

Дисциплина на математике прекрасная. Я заметила, что у ребят на этом уроке лица серьезные, удивительно. Бывает время и смеются.

Люба Браудка

Если Николай Петрович слово свое сдержит. Захотели мы, побегим шахмат организовать. Шахматный клуб, попросили Николая Петровича вести занятия. Он согласился сразу.

Валерий Алешин

Хотим быть похожи на своего учителя!

Татья Докторовна

Если Николай Петрович слово свое сдержит. Захотели мы, побегим шахмат организовать. Шахматный клуб, попросили Николая Петровича вести занятия. Он согласился сразу.

Валерий Алешин

МИР И СОЛИДАРНОСТЬ!

Рассказывает Петр Немеш, секретарь Союза венгерских пионеров:

Исполнилось 30 лет со дня освобождения Венгрии от фашизма. У юного нашего пионера в этом юбилейном году появился «Пионерский паспорт». В честь юбилея республики каждый пионер обязан сделать тридцать полезных дел для родины и записать их в свой «Пионерский паспорт».

Тут и сбор мемуаров и металлолома, и шефство над младшими ребятами, и работа в поле, и озеленение родного села или города. Одно из главных дел — участие пионеров в походах, которые повторили путь Советской Армии по венгерской земле, а также участие в «Путь свободы».

Школом «Путь» была пионерская газета «Путь» («Свобода»). Через газету наши пионеры получили от Советского Союза и других социалистических стран одиннадцать тысяч писем. Многие школьники, отряды наших стран завязали дружеские переписки. В результате во многих школах появились стенды, уголки, посвященные рассказам о великом Советском Союзе, о наших строителях. Все наши ребята следят теперь, как строится Байкало-Амурская магистраль, уходят из писем, как дружат советские пионеры с комсомольцами этой удальной страны.

Ярагол Пагмарик!

Очень прошу найти мне друга в иностранной стране. Я очень хочу переписываться все равно с кем. Мне нужен адрес любого мальчика или девочки из-за границы. Очень прошу. Писалка. Дай мне адрес. Жду ответа как соловей летит. Под списком стран адрес кто-то мне нужен. Англия, Япония, Шаньцзян, Монголия (там марки), Франция, Греция, Румыния, Болгария... Общайся побольше с другими странами. По закону пионер должен!

Посмотрите на это письмо внимательно. Моно ли было опускать его в почтовый ящик? Превиде нем — не так! Записывай адрес будущего зарубежного корреспондента, подумай, что ты сможешь рассказать своему товарищу! Что ты сам знаешь о нашей стране и о стране, с которой собираешься переписываться!

Во дворянских пионеров, в школах и при жилах пионеров есть КИДЫ — клубы интернациональной дружбы. Организуйте КИД у себя в школе. Но помните, что это дело серьезное!

БАРАБАН

ИНТЕРВЬЮ по видеотелефону

Говорит команда хоккеистов из Казани:

— Это про нас сказал спортивный комментатор, что мы совершенно неожиданно заняли второе место в играх на приз «Золотая шайба». А ничего неожиданного не было. Просто у нас тренер замечательный. Зовут его Нилу. Гифанов, он студент факультета физического воспитания Казанского института.

— А как у вас с ним дружба завязалась?

— Мы решили в нашей школе хоккейную команду организовать, но у нас не было тренера. Что делать? Кошачи в общем комсомольском клубе нам прислали Нилу. Такое у него комсомольское поручение — тренировать наших хоккеистов.

— Ну и как, по-вашему, он справляется с поручением?

— Он с любым поручением справится. Он настоящий комсомолец. Такими, наверное, и первые комсомольцы были.

— Он все время с нами. Играть научил! В комсомольском клубе К победе привел!

— Добрая!

— И много знает! Он образованный!

— И настоящий комсомолец.

— И спортемен настоящий!

— И красивый!

— И красивый!

— Красивый, честный пионерский товарищ, тренирует нас, не жалеет себя. Под какой у нас тренер!

Вася Татауров

СБОР УРОЖАЯ
Гамил Гайнутдинов,
12 лет, Казань

ИЗ СЛУШАНИЙ
ОБЪЕДИНЕННЫЙ
БАРАБАНА

Недавно исполнилось пятьдесят лет любимому журналу татарских пионеров. Много пережил этот журнал за полвека. Нескольким раз менялось его название, пока не появилось короткое и гордое «Яслики» («Памяти»).
А первые номера журнала, помнящие ребята и не прочтут — они набирались арабским шрифтом.

Обложка журнала,
1924 г.

ВЕРНИСЬ, ЗВЕНЬЕВОЙ!

Фельетон

Стоял тихий день. Около здания школы весело цикали воробьи. Вдруг тишину нарушил грохот — двери распались, и на крыльцо вылетел растерянный мальчишка. Он едва не свалился с крыльца, перепрыгнул через все ступени сразу, перекинул через цепанов и исчез за пристройками. Следом за ним мчалась девочка с ведрами, тряпками, швабрами. Воздух потрясли грозные крики. Наконец беглеца окружили. «На футбол опаздываешь!» — вопил он. «А класс кто будет убирать!» — еще звеньевой намыветись!»

Звенью потащило звеньевую в школу. Он сопротивлялся, крича про кубок обладателей кубков. По дороге он подставил кому-то ногу. Образовалась куча-мала. Из-под нее ужом выполз звеньевой и быстро побжал прочь. Остановившись на безопасном расстоянии, он отдышался, сделал важный жест и закричал: «Уберите как следует! О выполнении поручения доложите по телефону!» И исчез.

— А не пора ли устроить переборы! — спросил кто-то.

Андрей Белохвостов,
Среднекласс
Читинской области

В день рождения моему племяннику Женя принесли подарки. Он так много спрашивает: «А завтра всё обратно унесут?»

Мама крошит в кашу грибы; Женя: «Маме, да они туда не втапнутся!»

Прислала из Свердловска Женя друга — Вася Татауров

Находчивый ПАЛОЧКИН

— Палочкин, ты умеешь говорить по-английски?
— Умю. Только, когда говорю, перевожу на русский.

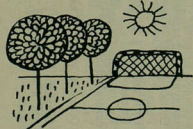
— Хвастался, Палочкин, что имеешь разряд, а сам тонешь!
— Я не тоню! Я всплываю не в ту сторону.

— Палочкин, неужели боишься темноты!
— Что ты! Просто мне темно дышать!

Восемиклассница из Новороссийска Люба Воейкова прислала в БАРАБАН стихик о сновидениях. Поскольку сновидения бывают почти у всех читателей БАРАБАНА, мы решили стихик напечатать. Печатник неловко подправил его и придумал название:

Во сне

Все мне снится, снится, снится
Наш широкий школьный двор,
Спортивная и теплица,
Из зеленых лил забор.
Вместо сора под ногами
Золотой лежит песок —
Будто создали мы сами
Чужой этот уползок...
Сну во сне не очень верю.
Вот проснусь — тогда проверю.

и... наяву

ВДРУГ и

Однажды мы подсчитали письма, пришедшие на конкурс, объявленный в годовином выпуске БАРАБАНА.

Кто-то сказал: «А ведь срок конкурса прошел. Не пора ли подводить итоги!»

Правильно, пора! Итоги конкурса «ВДРУГ И ОДНАЖДЫ» будут объявлены в следующем выпуске БАРАБАНА.

ОДНАЖДЫ

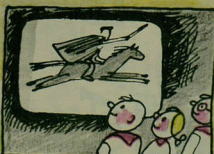
История в картинках про то, как пятый «Б» отчет писал...

1. В 5 «Б» влетел вожатый
И кричит: «Вперед, ребята!
Почаще себя пора —
Собираем лоп с утра!»

2. А ему и говорят:
«В 5 «Б» по плану
Культоходы на «Дьявола»
Завтра утром рано».

3. Смотрели прекрасный
Фильм о войне,
Мчался наш — красивый —
На белом коне...

4. Нам легко писать отчет —
Все дела наперед!
А и делю, дел — одно
Как ходили мы в кино...

Сочинила Оля Платошников из Москвы

БРАТЦЫ-КРОЛИКИ

А. ГИНЕВСКИЙ

Рисунок А. Орлова

К пяти годам я и не заметил, как выучился считать. Один палец, два пальца, три пальца... Так до десяти — пока пальцы не кончатся.

И вот однажды папа сказал: — Молодец, Вовка, пальцы ты освоил! Давай я тебе дам легкую задачку.

— Давай, только не легкую, а трудную!

— Ишь умный какой выискался... Ладно, — говорит папа, — договорились. Вот тебе сложнейшая задача. Представь себе, что у тебя есть клетка и в ней живут десять кроликов...

— А им не тесно в клетке сидеть?

— Это к делу не относится, — говорит папа. — Ты представь себе...

— Я представляю себе, только мне кажется, что им надо клетку побольше, чтоб им было просторней.

— Вот, смотри, — сказал папа и нарисовал на бумаге большую клетку, — такая тебя устраивает?

— Устраивает.

— Теперь я тебе нарисую в ней десять братцев-кроликов, — и папа стал рисовать.

— Какие же это кролики?! — удивился я. — Разве это кролики?! Это же большие собаки. А кролики маленькие и пушистые...

— Что ты ерундишь? — говорит папа. — Я же не виноват, что не умею рисовать кроликов! Такие уж у меня получились, а ты представь себе, что это кролики.

— Ну как я их представляю, если это не кролики?!

Пришла мама. Она посмотрела на папин рисунок и сказала:

— Вовка прав. Это не кролики, а какие-то дикие собаки динго. Уж так и быть, я вам нарисую.

Мама стерла резинкой папиных собак и стала рисовать.

— Это, по-твоему, кролики? — сказал папа, когда мама нарисовала.

— Это кошки! — сказала я.

— Самые натуральные, — сказал папа, и мы стали рисовать все вместе.

— Хватит, — сказал папа, — мы отвлеклись от задачи. Представь себе, Вовка, что вокруг клетки растет очень вкусная трава, а твои кролики изрядно проголодались, пока мы их рисовали. Представляешь?

— Еще как! — говорю.

— И вот ты выпускаешь пять кроликов на лужок попасись. Спрашивается: сколько кроликов осталось в клетке?

Я стал думать над задачей.

— Ну как, решил? — спросил папа.

— Решил.

— Ну и сколько у тебя осталось в клетке?

— Ни одного.

— Ну, знаешь!.. От десяти отнять пять — и ни одного?! Ведь ты же выпустил пять. Так?

— Так.

— Остались у тебя в клетке кролики или нет?

— Остались.

— Вот я и спрашиваю: сколько? Сколько осталось?!

— Так ведь и они очень хотели попасться! Вот я и выпустил всех.

— Ну и ну!.. — удивился папа. — Эдак ты никогда не научишься решать задачки и всю жизнь будешь жить на свете темный, как пещера. Да что с тобой толковать?! — папа махнул рукой и пошел к маме на кухню.

Я сидел и рисовал кроликов. Как они едят траву.

Подождал папа. Он посмотрел на кроликов и сказал:

— Ну так будем решать дальше?

— Будем.

— Сколько у тебя кроликов пасется на лужке?

Я сосчитал и сказал:

— Десять!

— Ну вот! Теперь представь себе, что пятеро из них наелись и захотели пить. А вода только в клетке, — и мы стали рисовать пять кроликов, как они пьют воду в клетке.

Когда мы нарисовали, папа спросил:

— Сколько кроликов у тебя пасется?

— Пять, — говорю.

— Ай да Вовка! Теперь представь себе, что эти пять тоже наелись и побежали в клетку пить. Спрашивается: сколько стало в клетке кроликов?

— А они, пап, не побежали.

— Ну запрыгали! Какая разница?

— И не запрыгали. Они еще не наелись...

— Ну, знаешь... иди ты к своим кроликам, — рассердился папа.

Два дня он не разговаривал со мной и все говорил маме, что таких бестолковых, как я, он еще не встречал.

Я уже совсем забыл про кроликов, но однажды вечером папа спросил меня:

— Так сколько у тебя на лужайке осталось кроликов?

Я достал лист, на котором мы их тогда рисовали, сосчитал и сказал:

— Пять.

— Правильно, — сказал папа. — Теперь, я надеюсь, они у тебя наелись?

— Наелись, — говорю.

— А ты знаешь, что неподалеку от твоего лужка бродит голодный волк?

Этого я, конечно, не знал.

— И что, по-твоему, надо делать? — спросил папа.

— Кроликов спасать!

— Правильно! Ну-ка, живо загоняй их в клетку! — И мы стали рисовать кроликов в клетке, будто они заскочили в нее.

— Все спрятались? — спросил папа, когда мы кончили рисовать.

— Все, — говорю.

— Молодец! — сказал папа. — Вот, пожалуй, и все с этой задачей.

— Нет, не все, — сказал я.

— Что еще?

— А задвижку, чтобы клетку закрыть?

Папа улынулся и на дверце клетки нарисовал большую задвижку.

РАБОЧАЯ СПЕЦОВКА

Лев КУКЛИН

Спешит по утрам на работу рабочий.

Рабочий всегда аккуратен и точен.

В спецовках рабочих к станкам и мартенам

Торопится утром рабочая смена.

Пред нею раскрыты ворота завода.

Она пропуска предьявляет у входа.

И солнце с улыбкою доброю встает:

Хозяин страны на работу идет!

На свете немало профессий чудесных:

Земных и подземных,

морских и небесных.

Я верю — ты будешь отлично трудиться.

Рабочая форма тебе пригодится!

Ты вырастешь,

станешь и сильным, и ловким,

Пойдешь на работу в рабочей спецовке.

И каждый заметит,

и каждый поймет:

Хозяин страны на работу идет!

Рисунок О. Зуева

ВЕЧЕР И УТРО

Уже яркое небо было в дыру возле трубы, а мы все заглядели на нарах в нашем зимовье* и уныло наблюдали, как Вася раскогегаривает печку. Печка быстро раскалилась докрасна, и в нашей берлоге с черными, закопченными стенами стало вроде бы даже светлей. Но на душе у нас было все так же пасмурно.

— А ну вас! — сказал Вася. — На вас смотреть и то скучно. Пойду-ка займусь за-втраком.

И ушел, отпахнув одеяло у входа и длинно скрипнув дверью.

Васе ломиком побило руку, и теперь он был в нашем десанте за хозяйку: варил, топил и рассказывал анекдоты.

Вася был кругленький, как колобок. Каждое слово выговаривал вкусно. И его рассказы больше всего нравились ему самому.

До БАМа он работал на строительстве порта Восточный. Там они, комсомольцы-строители, жили на корабле. И Вася, деняш стирать, почти каждый день покупал новую рубашку. Через несколько месяцев он заглянул в рубуку** и обомлел: там скопилось не-

* Зимовье — маленькая охотничья избушка в тайге.

** Рубадух — ящик для вещей на корабле.

сколько десятков рубашек. Предстояла грандиозная стирка. Вася почувствовал, что она ему не по силам. Он связал рубашки в узел, ночью выбрался на палубу, утопил свое богатство в Тихом океане и сразу почувствовал облегчение.

Перед отъездом на БАМ он раздарил друзьям свои костюмы. А с собой взял только резиновые сапоги и транзисторный приемник.

— Мужчина в любых обстоятельствах должен быть сдержан, суров и спокоен, — вдруг сказал Саша Иванов, начальник десанта. И все улыбнулся его словам, поскольку еще вчера тот же Саша Иванов радовался вместе со всеми и палил в луну из ружья.

И как тут было не радоваться: погоды были сказов тайгу, прокладывая зимнюю автодорогу из Звездного в Магистральный, и вот — ура! — зимник* готов. Западный участок Байкало-Амурской магистрали соединен с миром. Пропулся по снежной автодороге сотни грузовых вездеходов, и законит большая работа на БАМе. Ай да мы!

Ребята даже праздник себе устроили. Вася сварил два ведра какао. А Леша Шеглов подогнал свой трелевочный трактор впритык в зимовью и уста-

вился зажатой фарой прямо в окошке. До чего же светло и уютно стало! Мы разлеглись, как бары, на нарах — кто с книжкой, кто с шахматами. А Вася, по обыкновению, стал крутить приемник. Как раз Москва передавала об отряде:

«Десант Александра Иванова героически пробивается сквозь тайгу. Двенадцать комсомольцев первыми идут по трассе БАМа. Под напором бульдозеров рушатся великие кедры».

Вася захохотал: никакие кедры уже не рушились — ведь зимник был готов.

Вот так: уснули радостные, а проснулись грустные. И было оттого. Гнали зимник днем и ночью — сквозь смрад болот, тучи мошки, бурелом, морозы, и вот, пожалуйста: дорога уже сутки готова, и сутки тиха и пуста. Ни одного автомобильного следа!

Ай! — сказал Дед среди тягостной тишины. — Мы свое сотворили. Чего нам расстраиваться?! Пойдемте лучше завтракать. — И Дед уважительно ощупал свою бороду. Он был самый молодой в десанте. Ему невольно исполнилось девятнадцать лет. Именно поэтому, да еще за безуспешные попытки отрастить бороду его и звали Дедом. Он был мал ростом и сухощав, но виртуозно владел бензопилой «Дружба».

Мы сползли босиком на глиняный пол, нашли ошупью ва-

леньки и вылезли, шурясь, из зимовья в сияющий морозный день.

Тайга окружала нас. Ляпы елей обвисли под тяжестью снега. Бульдозеры стояли заиндевевшие, расклеванные морозом. Над вторым зимовьем столбом поднимался сиреневый дым. Там Вася готовил завтрак.

Закашлявшись от жесткого морозного воздуха, мы съехали по крутизне к реке, цепляясь за кусты и деревья. Потом сели на корточки у полыны, в которой витыми струями неслась черная ледяная вода, и, крахля и охая, принялись умыться.

МЕДВЕЖЬИ СЛЕДЫ

— А корреспондент пусть едет на охоту, — сказал Саша Иванов после завтрака. И все посмотрели на меня с сомнением. А Дед даже ехидно ухмыльнулся. Его козлиная бородка на юном лице казалась приклеенной.

Меня снабдили ружьем, патронташем и огромным книжлом в ножнах.

— Значит, так: синие патроны — на белку, зеленые — на тетерева, а красные (с жаканами*) — на медведя. Но луч-

* Жакан — пуля для охоты на медведя.

Герман БАЛУЕВ

Рисунки В. Завьялова

ДЕСАНТ

ВЫХОДИТ К РЕКЕ

ше в медведя не стрелять. Как только он поднимется на вас, вы под него ныряйте и бейте в сердце кинжалом.

— Может, лучше все же стрелнуть? — спросил я робко.

— Не надо. Вы его только раните, разъярите, и он вас растерзает.

Хорошенькая перспектива! Но я, конечно, виду не подаю, и мы с Лешей Щеговым спустились на лед реки.

Мы переваливались в своих шубах, и снег сверкал и визжал под ногами. День был ослепительно солнечный. Огромные деревья тянули ветви над рекой. Ни звука. Мир был погружен в первозданную тишину.

— Ну, я пришел, — сказал Леша. И стал пробивать во льду лунки и разматывать маленькие удочки — на хариуса.

Мы каждое утро лакомились его добычей. Он мелко рубил ножом сырую мерзлую рыбину, посыпал солью, и мы ели, ощущая, как нежные ломти тают во рту.

Итак, я двинулся дальше один. Иногда реку преграждали дикие заломы: сотни деревьев в хаосе сплетались друг с другом. Зверинные тропы указывали, как можно залом обойти.

ЗАРУБКИ

Шагая по медвежьим следам, я вспомнил о начальнике нашего десанта Саше Иванове. О его хладнокровии и бесстрашии. Но ведь и у Саши, когда он первый раз повстречался с медведем, случился конфуз. Саша набрал на куст малины и принялся его объедать. Поднимает глаза — с другой стороны куста на него очень внимательно смотрит медведь. Саша — в оборок. А медведь со страху бежать.

Потом-то Саша привык. Да и как не привыкнуть. Он — геодезист. И со своей партией прошел около тысячи километров по трассе БАМа. По буреломам шли, по звериним тропам, по галечным берегам бесеных сибирских рек.

Восточная Сибирь — это, надо сказать, сплошные сопки, горные хребты, реки, топкие болота, линзы вечной мерзлоты. Проложить здесь железную дорогу — задача трудная. Многие экспедиции работали, чтобы наилучшим образом разбить эту трассу.

— Мы, ребята, не просто съемку делаем, — говорил Саша Иванов, когда его партия устало валилась на спальные мешки, — мы осваиваем целый континент.

Сам он, казалось, не знает усталости. Всегда бодр, подтянут. Острое лицо со впалыми щеками, пронзительный взгляд, узкий кант бороды — как у флибустьера. Однажды они попали в туман в районе Байкальского хребта и целую неделю сидели голодные: вертолету никак не удавалось их найти. И даже в этой ситуации хладнокровие не изменило Саши. Он спокойно, как будто ничего не случилось, побрился у костра. Потом взял ружье.

— Отсюда ни шагу! — приказал своим подчиненным и пропал в тумане.

На второй день он вышел к глубокой каменной чаше с замерзшей на дне водой. Спасаясь от мошки, в чашу залез медведь и прохлаждался на льду. Двумя выстрелами Саша уложил его. Вырезал, сколько мог унести, мяса и стал спускаться с хребта.

За собой партия Саши Иванова оставляла репера, зарубки и отметки на карте.

Сколько усилий стоили эти зарубки!

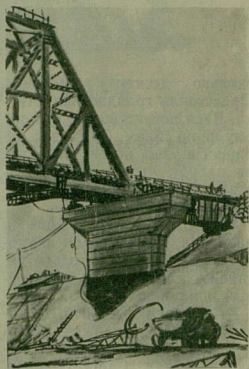
ЛЮБОВЬ К ГЕОГРАФИИ

Когда Саша Иванов закончил геодезическую съемку, его вызвали в Усть-Кут, городок, где начинал свои рельсы БАМ.

— Вот тебе одиннадцать орлов, — сказали. — Погонишь с ними просеку на Магистральный.

Орлы были что надо, только вот бензопилой, кроме Васи и Деда, никто не мог владеть. А в тайге предстояло валить сотни деревьев.

Эти рисунки сделал художник журнала Валерий ЗАВЬЯЛОВ на трассе БАМа

Саша в задумчивости походил перед строем своего десанта и в свойственной ему манере сказал речь.

— Ничего! — сказал он. — Все будет хорошо, если не будет плохо... А это еще что такое? — Он с удивлением посмотрел на двух девчушек, которые пристроились к его орлам.

Они были похожи на птенчиков, выпавших из гнезда. Обе были в курточках, косыночках и кедах. У черной были густые волосы и челка. И она выглядела из своих волос, как из форточки. Бельенка была красива, как манекен. Саша попытался представить ее рядом с бензопилой и бульдозером и не смог.

— Мы тоже хотим с вами, —

исков, алмазных трубок, полудиких оленьих стад уходят белые самоходки. И тут он ощутил на себе чей-то взгляд. Две утренние девушки смотрели на него с соседней лавочки с тоской и ожиданием.

— Опять вы? — изумился Саша. — Не могу, вы понимаете? Рад бы, да не могу.

— А вы когда отправляетесь? — спросила черненькая.

— Сегодня. К утру выйдем на перевоз, переждем Лену и уйдем в тайгу.

Девушки, пошептавшись, исчезли.

К ночи десант Саши Иванова погрузился на вездеход и тронулся в путь. На рассвете проблеснула в молочном тумане Лена. На берегу горел костерчик, и чайник уже аппетитно парил. Две фигуры одиноко сидели у огня.

— Батюшки! — сказал Дед. — Это же наши девчата!

Действительно, это две упорные пермячки ждали десант у костерка.

— Чай готов, — сказала черненькая. И робко выглянула из своих волос, как из форточки.

— Можно заваривать? — спросила беленькая.

— За что такое наказание на мою голову?! — простонал всегда выдержанный Саша Иванов. — Как вы здесь оказались?

— На попутной машине. Решили вас встретить с дороги.

— А вы знаете, — сказал рассудительный Дед, — мне нравится такая забота о человеке. Давай, Саша, возьмем их с собой. Пусть готовят. Будем платить из своей зарплаты.

— Ты что, Дедуля! — вскипел Саша. Но тут весь десант так яро встал на защиту пермячек, что Саша вынужден был смириться. Десант переправился через Лену и ушел в тайгу.

Они сами срубили себе зимовье — домик на полозьях — и шли упорно вперед с бензопилами и бульдозерами. За ними оставалась широкая просека.

Ребята вылезали из ботота как лешие — в тине, с опухшими от укусов мошки лицами.

Бульдозеры крутились вокруг исполинских кедров, валя их и выталкивая с просеки.

День за днем трактор тащил их зимовье вперед, и вертолет сбрасывал ребятам продовольствие и бочки с горячим. Девушки готовили нашим героям обед. Они были счастливы. Но счастье это не было долгим.

Однажды на вездеходе-амфибии десант настиг старший прораб Казаков.

— Ага, — сказал он многозначительно, осмотрев зимовье и увидев косыночки девушек, — а я думаю, куда же они делись? Три недели уже не доедают... Теперь все ясно!

— Запишите, Иванов, — сказал старший прораб.

— Не на чем.

— Тогда запомните. Вам благодарность за просеку. И выговор за девушек. За самовольство. Даю вам полчаса: пермячек найти и посадить в мою машину. Хватит! Я сам отвезу их в аэропорт. И прослежу, чтобы рейс не отменили. Действуйте!

— Ау! — закричал Саша. — Девушки, выходите! Мы разоблачены.

Казаков увез девушек, чтобы отправить в Пермь, где они должны были учить детей географии. И как будто солнышко закатилось — удача оставила ребят. А может быть, все дело заключалось в том, что пошел самый трудный участок просеки. Сопки то вздымались, то валились вниз. На одном из крутых склонов зимовье вдруг неудержимо покатило вниз, налетело на трактор, который его тащил, и рассыпалось по бревнышку. Деда, спавшего внутри на койке, каким-то чудом выбросило в окно. Уже навалилась зима, был снег. И Дед, проснувшись в сугробе и с недоумением взирая на груды бревен, ничего не понял и произнес:

— Кажется, катапультировался.

У него не было ни одной царапины. Но тем не менее дело принимало скверный оборот. Весь десант остался на морозе. Настала ночь.

Саша Иванов приказал развести большой костер, а сам

тихо сказала беленькая. — Мы из Перми, кончили географический факультет университета.

— Ага, — сообразил Саша. — Любовь к географии?

Девушки заискивающе улынулись.

— Ничего не выйдет, — огорчил их Саша. — Без направления не имею права.

Девушки погрузстнели; где им было взять направление? Они уже все пороги обили: их не могли принять на работу — не подходили ни по каким статьям.

В последний вечер перед уходом в тайгу Саша сидел на набережной у речного порта и смотрел, как вниз по Лене, в сторону Якутска, золотых при-

пошел вперед — на разведку. Он лез с фонариком через бурелом, а за ним ломился бульдозер. Перелезая через трухлявые завалы, Саша потерял фонарик. Тогда они с Лешей Щеголовым намотали на палку ветошь, смочили в солярке, и Саша пошел вперед с факелом.

Километра через два им улыбнулось счастье. Они наткнулись на зимовье — приплюснутый охотничий домик, тот самый, в котором мы и жили последнее время. Бульдозер ушел назад — за десантом, а Саша, сломав лавку, стал растапливать печь. И когда она разгорелась, стреляя искрами, когда задубевшее на морозе лицо отошло и вернулась способность думать и понимать, Саша услышал вдруг — рядом с зимовьем, где-то внизу, журчит река. Это была та самая река, к которой они шли. Дальше зимник уже был проложен.

Это была победа.

Да, а что же с девушками? Старший прораб Казаков утверждал, что собственными глазами видел, как они взмыли в небо. Но как же тогда понять, что в тот знаменательный день, когда Деду исполнилось девятнадцать лет, на пороге нашего зимовья появились две заиндевшие девчушки? Дед совершенно остолбенел, а Саша Иванов стащил и с белянкой и с черненькой валенки и распахнул дверцу печки. Они пробежали сорок километров по тайге и принесли в подарок Деду пластинку с записью песенки «Разноцветные кибитки». Дед чуть не заплакал: у нас не было проигрывателя.

Отогревшись и поев, девушки побежали обратно. Все-таки провели они Казакова, и сейчас учились в Усть-Куте на штукатуров. Через месяц их обещали пустить на трассу. Они ушли, и Дед, схватив ружье, бросился их провожать.

ВЕРТОЛЕТ НАД ДОРОГОЙ

Итак, шел я, выставив ружье, по медвежьему следу. И вдруг след свернул на берег и скрылся в чаще. «Вот и молодец!» — почти с нежностью подумал я о медведе. И тут обнаружил над собой куропаток. Они гроздью сидели на дереве.

Я перезарядил ружье и подкрался к ним. Один за другим грохнувшие выстрелы. Вниз летел снег и перебитые ветки. А куропатки лишь удивленно поглядывали на меня. И только когда я сбил несколько штук, стая со свистом умчалась.

Я полез на берег за добычей. Всюду громоздился заснеженный бурелом. Проваливаясь между стволами, я карабкался по нему. Вдруг что-то тухлявое рухнуло подо мною, и я полетел вниз головой в снежную яму. Барахтаясь в

снегу и уговаривая себя не поддаваться панике, я подумал: а как же прошел по таким буреломам Саша Иванов со своим десантом?

Копаясь в снегу, я наконец достал двух убитых куропаток и спустился на лед. Держа их за лапки, я двинулся в обратный путь, и не было уже у меня никаких страхов — ни перед полынками, ни перед медведями. Над трассой зимника низко уюжил вертолет. «Всех соборлей распугает», — подумал я. Повисев над нашим зимовьем, вертолет резко ушел в сторону Звездного.

— Вот это корреспондент! — похвалил меня Леша, принимая куропаток.

— Вот это Леша! — отозвался я, осматривая свежих хариусов.

И все-таки я ощущал — настроение в десанте оставалось тягостным: зимник был пуст.

Что же случилось? Ведь там, впереди, куда уходил наш зимник, тысячи строителей БАМа ждали технику, материалы, детали сборных домов, горячее, гвозди и говяжьи тушенки... Они должны были делать просеки, насыпи, мосты, виадуки — гнать на восток рельсы БАМа.

Там, где пройдет магистраль, открыты богатейшие залежи угля, железной руды, меди, никеля, олова, вольфрама, асбеста — всего не перечислишь. Еще Михаил Ломоносов предвещал: богатство России прирастет Сибирью. Теперь БАМ позволит начать разработку всех этих месторождений. На огромных диких просторах Восточной Сибири возникнут города, рудники и заводы...

БАМу дорог каждый день.

Вот почему мы нервничали, глядя на наш пустующий зимник.

Крепко поев хариусов и гречневой каши, мы уселись на нарах в своем зимовье. И Вася докрасна накалил печку. Пала ночь, и в дыру у трубы проклюнулись яркие звезды.

Мы молча смотрели в огонь, и Вася вдруг крикнул: «Ребята!» И выскочил вон. И мы, схватив свои шубы в охапку, вслед за ним кинулись в ночь. Вдали нарастал тяжелый гул моторов. По стволам деревьев, рябя светом, били фары. Огромная колонна вездеходов, завывая моторами, приближалась к зимовью.

Впереди колонны ехал маленький газик. Ослепив нас фарами, газик остановился. Из него выскочил старший прораб Казаков. Он критически осмотрел наши черные физиономии.

— Ну и вид, — сказал он недовольно. — Дайте я вас расцелую! А я, откровенно сказать, не поверил, что вы пробились, послал вертолет проверить трассу.

Мимо, обдавая нас выхлопами, шла и шла на Магистральный колонна.

ПТИЧЬИ БАЗАРЫ

Е. РУЖЕНЦЕВ

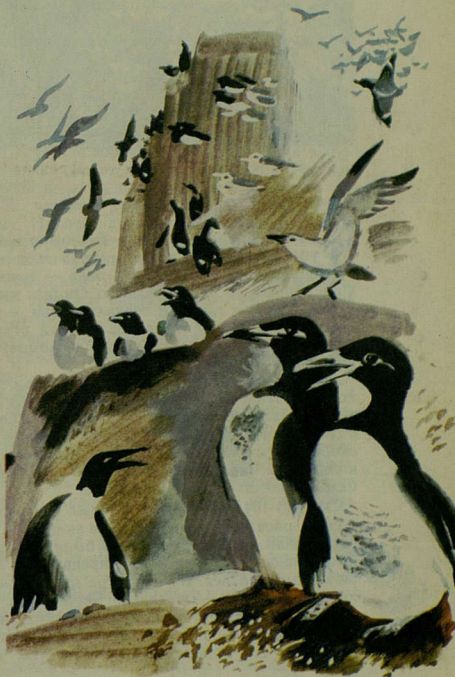
А вы не бывали
На птичьих базарах?
Поверьте, немало
Там разных товаров.

И перья, и пух
Раздобудешь легко,
Походишь —
И птичье найдешь молоко.

Но вот продавцы...
С ними просто мученье!
Ну, где их достоинство?
Где их терпенье?

Все крыльями машут,
Горланят чуть свет:
Товары, мол, есть —
Покупателей нет!

Рисунок Т. Васильевой

Батальонная знаменитость

Н. БОЯРСКИЙ

Рисунок Г. Ясинского

Его так и звали — Ишак. От лошади Ишак унаследовал ум, преданность хозяину и богатырскую силу. От осла — длинные уши, добрые глаза и упрямство. Он был мышинной масти, над глазами торчали брови — черные утолщения, которые Ишак умел ставить «домиком», придавая своей морде комически-печальное выражение.

Ишак возил походную кухню нашего стрелкового батальона. А иногда ему приходилось тянуть тяжелые повозки с боеприпасами. Очень редко он шел вольно, без всякой упряжки, но скорость свою не менял никогда. Казалось, никакие силы мира не могут заставить Ишака побежать или двигаться медленнее.

Осенью 1944 года батальон шел по степной дороге, обсаженной по сторонам акацией. Благоухающая Таврическая степь была спокойна и прохладна. Мы шли бодро, предвкушая скорый отдых, ночлег. В километре от нас дымила кухня повара — ездового Черданцева. Он сидел на передке, не попуская Ишака, зная, что это бесполезно. Громадная «козья ножка» торчала в его буденновских усах, а усы Чер-

данцева были красой и гордостью всего нашего обоза.

Черданцев, очевидно, был погружен в думы о родной станице, о семье. Изредка он притормаживал свой экипаж и большим черпаком помешивал кашу со свиной тушенкой; аромат этого ужина заставлял нас быстрее шагать по дороге.

Внезапно к кухне подскочил конный: «Комбат приказал обогнать батальон и ждать с с ужином в хуторе Украинка. Это пять километров не сворачивая». Черданцев был озадачен. «Лично я могу обогнать батальон, — отвечал он, — а Ишак никак не сможет, не победит». — «Ну, знаешь, приказ не обсуждается...» — «Знаю, выполняется, — перебил конника Черданцев. — Только вот комбат новый, не знаком с моей животной, ну да ладно, езжай».

Через час батальон вошел в хутор Украинка. Около первой же хуторской хаты стояла кухня Черданцева, всем раздали кашу, но был запряжен в кухню совсем не Ишак, а гнедой конь, которого Черданцев одолжил у своего

земляка, кузнеца и повозочного. А Ишака мы увидели гораздо позже, когда все уже приготовились ко сну. Он шел по обочине дороги, изредка пощипывая акацию, и беззаботно помахивал хвостом.

Как-то на реке Дубиссе в Литве озабоченный Черданцев приехал к командиру взвода и доложил, что Ишак прижал уши, зажмурил глаза и весь дрожит, что означает приближение танков. Лейтенант посмеялся, зная, что никаких танков поблизости быть не может, но на всякий случай выслал на дорогу расчет. На рассвете шум танка был слышен всем. Это заблудившийся в нашем тылу немецкий «тигр» пытался прорваться к своим. Его подбили наши броневые и взяли в плен экипаж. После этого происшествия всеобщее уважение к Ишаку, конечно, резко возросло.

В январе 1945 года перед нами стояла задача штурмом взять город Кенигсберг, город-крепость, объявленный Гитлером неприступным. Германским командованием было решено «вернуть» подступы к городу в могилу армий Рокоссовского и Василевского».

Все рода наших войск тщательно готовились к штурму Кенигсберга.

В нашем батальоне командующий Рокоссовский — рослый статный красавец — появился внезапно в окружении штабных офицеров. После учения он собрал всех офицеров полка на инструктаж. Офицеры сели на землю большим кругом возле леса, в котором находился наш обоз. Достали из планшетов только что полученные подробные карты Кенигсберга, разложили их перед собой и внимательно стали слушать Рокоссовского.

Какой-то незадачливый лейтенант очень долго возился с картой, которая была, наверное, неправильно сложена или плохо склеена. Сильный порыв ветра вырвал у него из рук большой кусок карты и погнал через поляну к лесу. Бедный лейтенант не знал, может ли он в присутствии командующего броситься вдогонку за картой или должен сидеть на месте. Он покраснел до ушей и был готов провалиться сквозь землю. «Догоните карту, лейтенант!» — сказал Рокоссовский. Лейтенант мгновенно вскочил, но... было уже поздно. Появившийся из леса Ишак оказался у карты раньше. На глазах у высокого собрания он быстро и с удовольствием съел карту города Кенигсберга...

Повисла тяжелая пауза. Командующий, еле сдерживая смех, стал медленно закуривать, а остальные натягивали на лоб фуражки, а то и просто отворачивались в сторону. Рокоссовский, не выдержав, захохотал первым, а вслед за ним грохнули разноголосым смехом и все присутствующие. Уезжая, командующий ска-

зал командиру нашего полка: «Я расскажу в управлении картографии о вашем осле. Интересно, как они отнесутся к его деятельности? А что за манера у вашего осла жрать боевые карты? Много он их съел?» Командир полка коротко изложил маршалу боевую биографию Ишака. Командующий выслушал его очень заинтересованно и, прощаясь, сказал: «Жаль, что вашего Ишака не могу наградить. Нет такой звезды. Ну, берегите его!»

Пусть Ишак не получил никакой медали, но похвала командующего фронтом тоже кое-что означала!

9 апреля мы наступали сквозь дым пожарищ по улицам «неприступного» Кенигсберга. Над нами летал пепел от сожженных фашистами штабов и канцелярий. На стенах зданий, на заборах, на плакатах был намалеван прижатый к губам указательный палец и буквы «ПСТ», что у фашистов означало призыв к бдительности: «Тише! Не болтайте!»

В районе действия нашего полка оказался Кенигсбергский зоосад. Животные совсем обезумели от ружейно-пулеметного огня. Они кричали, рычали, выли, бросались на стены своих клеток. Многие клетки были кем-то открыты, и их обитатели разбегались по зоопарку и прилегающим к нему улицам.

Разноцветные попугайчики, крохотные колибри, орлы, грифы, — все пернатые, не разучившиеся в неволе летать, взмыли в небо.

Из глубины зоопарка прямо на меня выбежал сияющий от счастья старшина Радько. Впереди него, подняв вверх руки, семенил пожилой человек в фашистской генеральской форме. На носу подпрыгивали очки в золоченой оправе. От страха он был бледен и не то икал, не то собирался заплакать.

— Генерала изловил! Вот он, родименький! — хриплым басом кричал Радько. — Ишь как трясется!

Будучи опытным разведчиком, Радько не раз приводил пленных, как он говорил, «по мелочам», и его заветной мечтой было взять в плен фашистского генерала. К сожалению, я был вынужден разочаровать старшину. Из короткого разговора с пленным, из его документов выяснилось, что этот «генерал» не имеет отношения к войне. Это был ученый зоолог. Он-то, оказывается, и сумел отпереть многие клетки с животными и дал им возможность спастись.

И вдруг я услышал громкий призывный крик: «И-а! И-а!» «Кто кричит? Уж не наш ли это Ишак?» — мгновенно пронеслось у меня в голове. Я бросился во двор и остановился как вкопанный. Там, задрав голову к небу, кричал наш Ишак. Он просил о помощи, не для себя — нет, он был здоров и невредим. Но с ним рядом стояла дрожащая черная лошадка — пони.

Вся шея и грива у нее была в крови и грязи. Она, очевидно, в числе других бежала из зоопарка, была ранена и теперь прижималась к Ишаку, как бы прося у него защиты и помощи. А Ишак кричал и кричал, надрывно и упорно.

Я вытащил свой индивидуальный пакет и хотел было оказать пони первую помощь, но меня опередил пленный «генерал». Он достал свои медикаменты, внимательно осмотрел и обработал рану, сказал нам, что ранение неопасное, и мастерски наложил повязку.

Черная как смоль лошадка, перевязанная по шее белоснежным бинтом, весь день не отходила от Ишака ни на шаг. Когда мы двинулись дальше, она без всякого приглашения последовала за нами. Неотступно шла рядом с Ишаком, как ходят около матерей жеребята, а Ишак ей явно покровительствовал, глядя дружелюбно и одобряюще.

Вместе с нами Ишак и пони прошли по Земландскому полуострову, побывали в городе Паллау, затем, обогнув залив Фриш-Нерунг, вернулись на материк, прошли Эльбинг, Данциг, встретили День Победы около города Нойштеттина и, наконец, поселились в просторных конюшнях городка Вестфаленхоф.

Осенью 1945 года Ишак работал артистом в армейском агитзведе, исполняя роль Гитлера в представлении под открытым небом. На Ишака надевали немецкую военную фуражку, причесывали ему челку «под Гитлера», а в зубах он нес бумажное знамя со свастики. В конце спектакля Ишак это знамя съедал и уже без фуражки уходил в конюшню, потешно взбрыкивая ногами. Ишак имел у солдатской аудитории бурный успех.

Из Германии наша дивизия была снова перебазирована, и там всех лошадей передали в дар колхозникам. В один из крымских колхозов попал и наш Ишак со своим другом пони.

Что случилось с Колей?

Прозвенел звонок веселый,
На урок ребят позвал.
Почему-то только Коля
Снова в школу опоздал.

Не присутствовал на сборе,
Единицу получил,
И домашнее заданье
Снова Коля не учил.

Призадумались ребята:
«Что же с Колей делать им?»

И решили разобраться,
Что сейчас творится с ним.

Оказалось, что у Коли
Заболела дома мать,
Не под силу стало Коле
Все уроки выполнять.

Помогли ребята Коле —
Стал отличником он в школе.
Мать поправилась совсем.
Благодарен Коля всем.

Наташа Куклина
5 класс, Казань

Рисунок П. Кузнецова

ПРАЗДНИКИ

Сергей ДАВЫДОВ

Рисунки
К. Овчинникова

ДЫМКА

Поезд шел к Уралу.

Мы уже притомились от тесноты и духоты купе, от частых остановок. Чтобы скрасить дорогу, отец выходил на станциях и приносил нам кулек свежей малины или огурцов с горячей картошкой на влажном широком капустном листе.

Однажды отец притащил в купе какое-то лукошко, покрытое сверху тряпкой. Вид у него был таинственный и очень довольный.

— Кроликов купил? — испугалась мама.

— Неужели шенок?! — обрадовался я.

— Не-ет, не угадать вам. Тронется поезд, и покажу.

Только поезд отошел от станции, отец снял с лукошка тряпицу и стал доставать... игрушки. Да какие! Нарядные чернобровые и алогубые русские красавицы с коромыслами на плечах и важные гармонисты в лихо заломленных фу-

ражках, в кумачовых рубашках встали рядышком на столике купе.

А отец, как волшебник, знай достает еще и еще: трехголовых коньков с золотыми боками, драчливых баранов, озорно пригнувших головы с острыми рожками, тонконогих горделивых оленей...

— Вот ведь какое чудо из простой глины делают! Настоящий праздник для глаза! Дымково — село под Кировом, бывшей Вяткой, лет двести славится мастерами. Так и зовут эту игрушку — Дымкой. Купить ее трудно, велик спрос. Так что повезло нам!

Как весело, как чудесно было ехать дальше!

Я не мог оторваться от Дымки.

Мне все казалось, что чернобровые красавицы исподтишка переглядываются с гармонистами, шепчутся и пересмеиваются, а олени и козлята только и ждут момента, чтобы убежать из купе!

— Подуй, — отец протянул мне трехголового конька. — Это же свистулька.

Но не мог я дуть в него, как в простую свистульку. Я залез на верхнюю полку и все гладил золотые бока, все любовался коньком...

С тех пор прошло сорок лет. Была мировая война. Произошло на земле столько больших событий.

Я много ездил, мне посчастливилось побывать в картинных галереях Дрездена, Флоренции, Ватикана. Я видел шедевры Боттичелли, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэля. Но все равно в памяти моей не потускнело то чудесное ощущение праздника, когда я, восьмилетний мальчик, держал в руках яркую, звонкую, теплую дымковскую игрушку...

ЖИЛ-БЫЛ ПОП

И еще один праздник не кончается у меня до сих пор, хотя он тоже начался в далеком детстве.

...Иногда в свободный вечер отец читал мне вслух. Я очень любил эти минуты.

*Жил-был поп,
толоконный лоб.
Пошел поп по базару
посмотреть...*

— Подожди, подожди... — перебиваю я отца. — Как это «толоконный лоб»?

— Ты подумай, — отец озадачен. — Сколько раз читал и не обращал внимания! А ведь Пушкин великолепно знал русский язык... Толоконный лоб? Надо подумать!

— Может, поп толоконно любил?

— А мясо, думаешь, он не любил? Нет, тут что-то другое. А-а... догадался! Говорят же: вместо мозгов — мякина в голове. А у попа толоконно. Выходит — глупый поп. Ведь Балда его легко обвел вокруг пальца. Да?

И верно! Тайна открыта. Как интересно, оказывается, обращать внимание на каждую строчку стихов, вдумываться, что значит каждое слово!

В следующий раз отец читает «Конька-Горбунка». Мудрая, добрая и лукавая фантастика сказки тоже удивляет. Особенно мне понравилось то место, где Иван видит пленного кита:

*...Все бока его изрыты,
частоколы в ребра вбиты,
на хвосте сыр-бор шумит,
на спине село стоит,
мужички на губе пашут,
между глаз мальчишки пляшут,
а в дубраве меж усов
ищут девушки грибов...*

Я попытался все это нарисовать. Каждая строчка — отдельная картина! Вышла целая тетрадь рисунков!

Между прочим, мне до сих пор жаль кита. Но он и сам-то хорош — проглотил сразу тридцать кораблей. Проглотил и в ус свой китовый не дует!

Стихи удивляли не только метким словом, народным юмором и весельем. Они вдруг надеяли чей-то грустью, задушевностью.

*Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
что стоишь, нагнувшись, под метелью белой?
Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.*

Поразило меня умение Сергея Есенина разговаривать с деревьями и животными, как с людьми. Как «с меньшими братьями». Волшебник Есенин! Как он сумел написать своему деду про розы, цветущие в «стране далекой».

*...Весна.
Здесь розы больше кулака.
И я твоей
судьбине одинокой
привет их теплый
илю издадека...*

Кулак у деда был крестьянский, с хороший булыжник. Поглядел, наверное, дед на свой кулак и не поверил, что где-нибудь могут расти такие громадные розы!

Уже учась в школе, я прочитал стихотворение Александра Прокофьева «Матрос в октябре». Революционный балтийский матрос так нарисован поэтом:

*Плещет лента голубая —
Балтики холодной весть.
Он идет, как подобает,
Весь в патронах, в бомбах весь!*

*Молодой и новый. Нател!
Так до ленты молодой
Он идет, и на гранате
Гордая его ладонь.*

*Справа маузер и слева,
И, победу в мир неся,
Пальцев страшная система
Врезалась в железо вса!*

Не оружие страшной системы, а пальцы... Вот это матрос! Такого ничто не может остановить. Всего четыре строчки, а такой человек!.. Но Прокофьев мог быть и мягок, лиричен.

*Направо взгляни, налево взгляни —
В зеленых кафтанах выходят линии...*

Рыба — а в зеленом платье! Так и вижу этого линия — плывет важно, будто в кафтане выступает...

Дома у меня собрано много стихотворных сборников.

Я беру с полки книгу, раскрываю ее — праздник продолжается!

Капитан курсом плыть?

Представь себе, что ты — капитан и идти тебе из Лондона в Нью-Йорк... Что ты сделаешь первым делом? Скажешь: возьму карту и проложу курс — самый вы-

годный, самый короткий, — прямую линию между двумя точками, Лондоном и Нью-Йорком. Чтобы времени и горючего меньше потратить... Вот так:

Однако современный капитан начинает с того, что на морской карте рассматривает свенные радиогорамы из отдела морских прогнозов Гидрометцентра. Читает, что — где? Ага, у банки Диорднес — шторм! Хорошо,

спустимся к югу, обойдем... Что там дальше? Сильная волна — с юга! Отлично, изменим курс вот так. Здесь циклон! Отлично... И получается: у него курс вот такой:

Так капитан и время сэкономит, и горючее, и машины: зачем зря против шторма выигрывать или скулить волне

поддаваться? И получается: ломаная линия короче прямой...

БАСТУЮЩИЙ КОРАБЛЬ

Французская сухопутная компания решила продать за границу свой корабль. Да не какой-нибудь, а национальную гордость Франции — быстролетный лайнер «Франс».

Однако продажа лайнера обрелась на безразботию сотни моряков — его никак... И тогда моряки забастовали. В Гавре весело высадили всех пассажиров и отошли на рейд. У трапов встали забастовочные пикеты. Хоть штормит теперь высоченные борта «Франса». Но полиция

Лайнер «Франс» на рейде Гавра

тоже не дремала — се катера со всех сторон окружили лайнер и перекрывали пути сообщения с берегом. Тогда мэр города Гавра коммунист Дюрма призвал жителей начать демонстрацию протеста. Забастовку

моряков поддержали рабочие Франции. Со всего мира полетели телеграммы в поддержку моряков. Покидая Гавр, лайнер для протестующих гудок — благоволит всех трудящихся города за помощь в трудные дни...

Было это в дни Великой Отечественной войны. В городе Батуми, в черноморском порту, матросы торпедного катера, который стоял на ремонте на берегу, заметили мальчонку. Бродил он возле катера, словно кого-то искал.

— Ты чей? Мать, отец? где?

— Отец командиром был... Погиб... Мамку бомбой убил...

— Эх, скрытал! Есть, наверное, хочешь!

Зависли мальчишку на катер — юнгой.

Освоил юнга мотор, был все время при мотористах. Мальчишку все любил, берегли. На опасные операции не брали.

Подоспело время, задумана была командованием смелая операция: высадить в Новороссийском порту на катерах десант. Кто видел Цемескую

бухту, тот знает: она словно повздуху, войти трудно, а уж выскользнуть, если пушки врага ее здесь и поперек простреливают, и вовсе невозможно... Вышли катера. А юнга Лялин, знавший, на каком опасном задании идут катера, на этот раз нарушил приказ: спрятавшись на катере, в форпике, в носовой отсеке. Когда его заметили, обратно возвращаться было поздно. Катера мчались на предельной скорости. Ворвались в Цемесскую бухту. Что тут началось! Пулеметы фашистов свинцом по воде хлещут, от взрывов вокруг катера вода кипит. Санкт, грохот. Но вот взлетели на воздух пулеметные гнезда на причалах: это катера ударили по ним торпедами. Десантники прямо в воду попрыгали — в атаку... Можно отходить. Но тут фашисты прямой наводкой начали бить по ке-

теру, на котором был Лялин. Упал раненый командир. Сполз вниз, обливаясь кровью, рулевой. Ранен боцман. Пламя поднялось от бензобаков. Заглох мотор...

Юнга Лялин в моторном отсеке пытался запустить мотор. Дым — не вздохнуть. На миг юнга поднялся наверх, глотнул воздуха. Видит: катер, нимем не управляемый, круги описывает... Вот снова пробил таранный отсек. Вот возле борта рвануло! И тогда маленький юнга встал к штурвалу. Под градом пуль и осколков, на одном моторе, повел тонущий катер, вывел из-под обстрела.

...За свой подвиг юнга Лялин был награжден орденом Красной Звезды...

Г. ГУСЕВ

НАШ КЛУБ

Наш клуб существует уже шестнадцать лет. За это время курсанты совершили четыре заграничных похода и много походов по морям и рекам Советского Союза. В нашем клубе занимаются не только мальчики, но и

девочки. Сейчас мы проходим практику на учебном корабле «Василь Коларов», которым командует капитан Климов. Во время похода рулевые будут нести вахты в рубках рубки, мотористы — в моторном отделении, радисты — в радиорубке...

Курсант флотилии Наташа Пичукова, Москва

ОДНАЖДЫ НА ОДНОМ КОРАБЛЕ...

Капитан решил похвалить только что прибывшего младшего помощника.

— Что вы будете делать, — спросил он, — если с юга налетит шторм, а вы стоите кормой к северу?

— Отдам правый носовой якорь!

— А если еще и с севера шквал?

— Отдам и левый кормой!

— А тут — шторм с востока... А?

— Левый носовой...

— Хоршенький шквал с запада?

— Правый кормой...

— А тут шторм с северо-запада?

— Отдам еще один якорь...

— Подогитесь, — сказал капитан, — откуда вы возьмете столько якорей?

— Оттуда же, откуда вы берете штормы и шкавалы...

ОХОТНИКИ ЗА

ЕСТЬ ТАКОЕ МЕСТО

— Хотите поехать за динозаврами? — спросили меня в палеонтологическом институте Академии наук.

Я подумал, что со мной шутит, и весело ответил:

— Конечно, хочу... Но ведь динозавры давно вымерли...

— Да нет, мы делаем вполне серьезное предложение.

— И значит, можете указать такое место, где они водятся?

— Даже не одно. Но мы поедим вот сюда, на самый юг пустыни Гоби.

..Четвертые сутки колония беззвездов пробивается от столицы Монголии Улан-Батора в направлении на Хермин-Цав. Жара такая, что вода в радиаторах закипает через каждые десять минут. Приходится больше стоять, охлаждая моторы, чем ехать. Странно, но порой кругом болота, огромные, до самого горизонта. Я представлял себе Гоби местом пострашнее Сахары, и никогда не думал, что в раскаленном солнцем пустыне могут быть болота.

А в Гоби три года не выпадало дождей, и перед нашим приездом отгребели ливневые грозы. Воды сразу вылилось столько, что даже барханы не успели ее впитать.

Но страшили не сами болота — они были по колено. Под водой в земле растворялись известняки... Образовались настоящие подземные ловушки. Провалился машина — уже не вытащить. Каждое болото приходится объезжать далеко стороной.

Наконец остается последнее препятствие — полоса барханов высотой в несколько десятков метров.

Барханы нас встретили злым ветром. Снаст такой, что не слышно собственного голоса. Без очков невозможно смотреть, да и они не помогают — мгновенно покрываются сеткой мелких царапин от летящего песка... Он больно, до

ДИНОЗАВРАМИ

Игорь ВОЙТЕНКО

Фото автора

крови, сечет руки и лицо...

Все машины тросами сцепляются в одну связку и медленно выезжают в это барханное море. Мы с кинооператором Алексеем Дубровским карабкаемся на вершину одного из барханов. Если бы не ветер, место для съемки самое идеальное. Караван беззвездов темной змеей извивается в песках, то исчезая, то появляясь вновь.

Валди взлетает зеленая ракета — пески пройжены! Мы стреляем красной — поняли, идем к вам!

К Хермин-Цаву подъехали ночью. В свете фар то и дело мелькали стада джейранов да

Так вот почему это странное название. Хермин-Цав — неприступная крепость!

Об этом странном месте сегодня знают палеонтологи всех стран и завидуют монгольским ученым. Здесь природа сама открыла человеку свои недра, позволила заглянуть в далекое прошлое.

Мы выбрали место для спуска и минут через двадцать были на дне пропасти. Беззвездовы, оставленные наверху, казались отсюда крохотными бабочками.

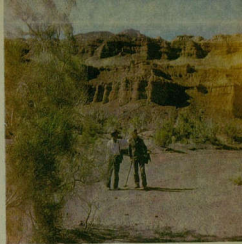
Отряд разделился на несколько поисковых групп — по два-три человека в каждой. Я пошел с Ринченем Барсболдом — известным монгольским палеонтологом. Задача на первых порах была простая — в стенах и под ногами искать кости динозавров.

Динозавры называют чудовищных ящеров. Когда-то они жили на всех континентах, от Антарктиды до Северного полюса. Их было сотни видов: одни ели только траву, другие — только мясо. Самые маленькие были величиной с собаку, а самые крупные — до тридцати метров длиной. Счет такого гиганта занимает половину зала в Музее палеонтологии в Москве.

Динозавры погибли семьдесят миллионов лет назад. Что явилось причиной их гибели? Резкое изменение климата на планете? Сильная проникающая радиация из космоса? Ученые пока не знают. Но Хермин-Цав — это кладбище динозавров. Хермин-Цав, возможно, поможет ответить на вопрос.

Мы провдгались вдоль песчаной стены, осматривая каждый квадратный метр.

Спусти несколько часов увидели первую кость. Похоже, что это было чье-то ребро. Барсболд опустился на колени и вынул из полевой сумки инструмент — разные стальные иглы, щетки, совочки и кисточки.

— Где одна кость — там и вторая, — уверенно сказал он.

Совочками мы осторожно начали отгребать песок. Вдруг Барсболд нагнулся и стал сдувать песчинки.

— Смотрите, какой красавец! — из песка торчал зуб животного.

Расчистили еще крохотный участок — оказался второй зуб. К вечеру у нас были богатые трофеи.

— Будем ставить раскоп, — сказал Барсболд.

Мы нанесли на карту крест и сложили из камней обо — пирамиду, чтобы потом было легко найти это место.

Первые поиски оказались успешными. Монгольский палеонтолог Номсрай вместе со своими помощниками — студентами Саратовского университета обнаружили три скелета небольших хищных динозавров — велоцератопсов. Мы с Барсболдом — еще один скелет и две кости. Каждая из

нехоти отбегали в сторону верблуды.

Мы расстелили на земле кошму от змей и скорпионов и буквально свалились на нее от усталости.

В НЕПРИСТУПНОЙ КРЕПОСТИ

Утром оказалось, что мы остановились всего в сотне метров от зияющей пропасти. Она уходила далеко вниз и располагалась выше на многие километры. Целые горные хребты, словно бастионы крепостных стен, находились в ее чреве.

У меня закружилась от высоты голова, и я отступил от края обрыва.

них была с мой рост. А у меня он — 175.

Стали мысленно прикидывать, каких невероятных размеров было это животное. И вдруг прибежал наш водитель Коля Барсуков. Коля сказал, что километрах в пятнадцать от лагеря только что держал за хвост большого ящера.

Коля был необычайно везучим человеком.

Казалось, что порой он видел даже сквозь землю.

Бросив все дела, мы тотчас поехали к тому месту.

ВЕЗУЧИЙ БАРСУКОВ

Склон обрыва, откуда торчал кончик хвоста, был очень неудобен для работы. Сорвешься вниз — и амба! И как Коля здесь умудрился прийти?

Обвязавшись веревками, мы сначала выдолбили в стене небольшую площадку. Песок был такой плотный, что лом отскакивал от него, как от стальной плиты. На это ушло три дня. Потом с помощью клингов и молотков стали обнажать хвост. В первую очередь нужно было снять двухметровый слой земли. Когда мы его сняли, Барсболд облегченно вздохнул:

— Ну, ребята, считайте, что нам повезло. Целый скелет.

Мы еще не видели его, а Барсболд по едва проступившим пятнам определил: целый.

Теперь под пальцами лучами солнца начиналась самая ответственная, самая ювелирная часть работы. Стальными иглами стали отделять песчинку от песчинки. Одно неосторожное движение — и кость можно повредить. Смахнешь кисточкой счищенный песок — и опять работает игла.

И так много дней подряд. Мы исходили потом от жары. Вода во фляжках уже не вода, а кипяток.

Когда откопали полскелета, Барсболд весело потер руки:

— Этот зверь еще раз подтверждает, что когда-то Азия и Америка были одним континентом: там и здесь находили останки одинаковых животных.

Мы сняли еще целую гору песчинок. Стало ясно: дино-

завр лежит на животе. Смерили его. От хвоста до головы — восемь метров. Голова была похожа на большую бочку. Ее верхнюю часть покрывали роговые пластинки — панцири. Значит, это панцирный динозавр.

Еще несколько дней ушло на пропитку костей динозавра специальным клеем, чтобы закрыть трещинки.

Скелет был очень большим, поэтому Барсболд и Намсрай решили разделить его на четыре части. Сперва отделили голову и хвост, затем разделили туловище.

Теперь можно было брать динозавра.

Брат — это чисто палеонтологический термин. Части скелета берут обычно вместе с землей, сверху и снизу заливают гипсом, а после заколачивают досками. Получается монолитный блок в деревянном ящике, который можно спокойно везти по любому бездорожью.

С головой мы управились довольно быстро. Получился ящик весом около тонны. С помощью веревок осторожно спустили по склону обрыва. Там его уже ждал вездеход Коли Барсукова.

Коля был не только везучим палеонтологом.

На своем вездеходе он мог взобраться и опуститься куда угодно.

Второй кусок динозавра взять в этот день не успели. С запада на каньон напозвала бурая стена. Началась песчаная буря. Гобийская буря, когда от нехватки воздуха задыхается все живое. Тот, кто

ее испытал, вспоминает о ней всю жизнь.

Вмиг погасло солнце. Все кругом глухо и страшно загудело. Летящий песок так наэлектризовал наши тела, что казалось, с пальцев срываются потоки электрических разрядов. Волосы у нас встали дыбом. Стоять и дышать было невозможно. Мы запихали в рот платки и майки, чтобы как-то фильтровать воздух, и поползли за Барсболдом под защиту крутого холма. Кругом стоял невообразимый грохот, словно сотни лавин сходили с гор одновременно. Добрались до холма. Барсболд поднял вверх правую руку — мол, ничего, ребята, главное — не робейте.

К счастью, буря продолжалась недолго. Она задела нас лишь самым краешком. Через три часа снова, как ни в чем не бывало, выглянуло солнце. И только тогда мы вспомнили, что на дне пропасти остался с машиной наш Коля.

Проклиная себя за забывчивость, мы ринулись вниз по отвесному склону.

Колю увидели здоровым и невредимым. Он шагнул по откосу и что-то собирал в ведро.

Когда мы подбежали, он спокойно протянул Барсболду ведро, доверху наполненное окаменевшими черепашими яйцами.

— Сегодня дуло так, что ветер снял метровый слой песка. Не надо и раскапывать. Вот я и решил загнать. Их тут, наверное, тысячи.

Я ОБИДЕЛ ДИНОЗАВРОВ

Мы огляделись. Весь склон был усеян сероватыми яйцами. Они торчали из песка кучками. И в одиночку... целые и только небольшие кусочки...

— Знаете, сколько им лет? — спросил Барсболд. — Триста миллионов! Триста миллионов лет назад здесь было черепашее царство. Давайте-ка поищем и самих черепах.

Мы разбрелись по склону и вскоре напоролись на черепаший панцирь. Он так хорошо сохранился, что были видны даже мельчайшие бугорки. За час откопали еще три панциря.

На этот раз больше всех повезло все же мне. В одном из разломов песчаника я обнаружил целую грудку окаменевшей скорлупы. Толщина скорлупы доходила до четырех миллиметров. Я составил несколько кусочков вместе и не поверил глазам — яйцо получалось размером с большой арбуз.

Но моей находке Барсболд не придал особого значения:

— Обыкновенная скорлупа от яиц динозавров. Здесь, в Гоби, мы обнаружили целые кладки яиц этих чудовищ. В одном из яиц нашли даже детеныша динозавра.

— Ничего себе обыкновенная. Яйцо было снесено задолго до того, как на земле появился человек.

Барсболд засмеялся.

— Если так нравится, можешь взять на память.

Я завернул в платок несколько кусочков скорлупы и положил в карман. Хорошо, что чудовища вымерли. Что бы они сделали со мной за покушение на их собственность!

РАЗГОВОР С ВЛАДИМИРОМ ЖЕГАЛЛО

К концу экспедиции у нашего лагеря громоздились горы ящиков. Чтобы перевезти их, мощному тралеру пришлось сделать несколько рейсов от Хермин-Цава до Улан-Батора.

В Москву мы возвращались с богатой добычей.

Всю дорогу я расспрашивал палеонтолога Владимира Жегалло, зачем нужны кости и скелеты и почему палеонтологи называют охотниками за динозаврами. Жегалло говорил:

— Название это не совсем правильное, ведь динозавры — только один из тысяч видов давно исчезнувших животных. А мы стремимся познать всю историю земли, проследить, как развивалась жизнь от ее истоков до сегодняшних дней.

Человек не был бы человеком, если бы не интересовался прошлым. И речь идет не только о животных. Мы ищем в земле остатки ископаемых деревьев, изучаем пыльцу древних

растений. Все эти находки приносят огромную пользу. В первую очередь геологам. Железо, уголь, нефть, золото — все полезные ископаемые образовались в свое, строго определенное время, десятки и сотни миллионов лет назад. И геологу очень важно знать возраст слагающих землю пород, что здесь было в далекие времена — море или суша, лес или степь... Точный ответ дать может только палеонтолог. Если он скажет: здесь 100 миллионов лет назад рос тропический лес, — можно искать уголь. Если плескалось море — уголь искать бесполезно, а вот залежи мела или нефти найдете обязательно.

Всего несколько лет работы палеонтологов на территории Монголии позволили составить очень точную геологическую карту страны. Без их помощи такую работу можно было бы сделать только лет за двадцать или тридцать, пробурив множество разведочных скважин. А ведь порой стоимость такой скважины — это средства на организацию крупной палеонтологической экспедиции. Вот и считай, какую прибыль дают наши исследования.

— Володя, ну а кости и скелеты? Когда их привезут в Москву, что будет дальше?

— Дальше?.. Все кости надо тщательно очистить и закрепить специальным составом. Потом определить, какая кость какому животному принадлежит. Если костей наберется много, можно монтировать скелет. Но главное — узнать, как животное выглядело. По формам конечностей специалисты узнают, как животное двигалось. По расположению костей

скелета — как располагались внутренние органы и мышцы. Вспомни, как песчинку за песчинкой отделяли, когда нашли панцирного ящера. А здесь все наоборот. Собираются по крупицам все сведения о животном. И только потом ученый-художник эти сведения облакает в зримую форму, воссоздает облик животного.

Так мы узнаем то, что исчезло для человечества навсегда.

— Вот, мы говорим: «исчезло»... А вдруг где-нибудь в джунглях Амазонки или еще в каком-нибудь глухом местечке сохранились древние животные?

— Что касается суши, то вряд ли. А за море поручиться не могу, особенно после истории с целакантом. В 1938 году рыбаки выловили неведомую рыбу с твердой, как броня, чешуей и с плавниками, похожими на лапы. Ученые развели руками: они не знали, что это за рыба. Впрочем, не все ученые. Доктор Смит заявил: «Эта рыба — целакант». Над доктором Смитом многие тогда смеялись. Целакант — доисторическая рыба. Она вымерла 300 миллионов лет назад. Чтобы доказать свою правоту, доктору Смигу нужна была вторая такая рыба. Но ее выловили только через четырнадцать лет, там же, у Коморских островов.

— Невероятно! Как целакант пережил миллионы лет? За это время на земле много раз менялся климат, вставали и разрушались горы, с Севера и Юга наступали и вновь отступали ледники.

— Да, это непостижимо. Пока о целаканте известно очень мало. До сих пор, а их уже поймали пятьдесят штук, ни одну рыбку не удалось сохранить живой. Поэтому сейчас у Коморских островов постоянно дежурят специально оборудованные самолеты, готовые в любую минуту принять пойманного целаканта и доставить в специально построенный для него бассейн. История с целакантом — одно из самых удивительных открытий нашего века. Конечно, такие открытия редки. Но если они случаются, значит, мы еще очень мало знаем об окружающем нас мире.

Отдел ведет писатель Н. СПАДКОВ

Оформление Т. Соловьевой

Анатолий Михайлович ЗИМИН — малар, работает на заводе. Каждый отпуск проводит в походах по лесам и полям. Берет и защищает природу; он председатель заводского отделения Общества охраны природы. Еще он пишет о природе рассказы и много фотографирует. Почтайте его рассказы о грибах и грибочках. Нам кажется, что они заставят вас о многом задуматься.

ПОШЛИ ГРИБЫ, разве услышишь дома! И стар и мал с корзинками в лес! И я с корзинкой тороплюсь вместе с другими. После толкушки и тряски в автобусе чувствую такую свободу, такую легкость, что хочется не идти, а лететь! Не жадность, не нужда подгоняет меня. Я спешу поспеться с чудом.

Для меня каждая лесная встреча со зверем, с птицей, с грибом как чудо. Запомню и березку, и росу на траве, и неординарные грибы, упругие грибочные шляпки, плотные ножки... И снова ко мне вернется радость и удивление.

КОЛОСОВИК

Первый гриб всегда находишь неожиданно и всегда удивительно —
— Надо же — грибы пошли! Так и сегодня.

Возвращаюсь с рыбалки. Тропинка полнаю подберезовиком. На поляне береза, а под березами он стоит — подберезовик первый! Притаился в траве и помалкивает. Встаю перед ним на колени и, прежде чем сорвать, долго любуюсь подберезовиком и целую фотоаппаратом.

Я один, и никто не видит, как я поглаживаю шляпку гриба. Шляпка такая прохладная, гладкая и упругая, что мне хочется коснуться ее губами.

Я не пречу гриб в келку, открыто несусь — я первым нашел первый гриб-колюсовик. Сегодня я — первооткрыватель!

Встречные останавливаются и смотрят: кто с завистью, кто с восхищением. Смотрят так, будто не подберезовик у меня в руке, по крайней мере, птица дикий или зайчонок. Каждому хочется поглядеть гриб, в руках его подергать. И никто уже не расспрашивает про рыбалку, хоть иду я со связкой удочек.

Слух о первом колюсовике распространится быстро. Завтра же с восходом солнца разнесется по лесу звонкое «ау!» грибочника.

ПОДБЕРЕЗОВИК

У каждого гриба свое дерево. У подосновника — осина, у масляника — сосна, у рыжика — елка. Но ни один гриб так не привязан к своему дереву, как подберезовик. Подосновник может вырасти и в ельнике, рыжик растет и под сосной, а вот подберезовик вы под другим деревом не найдете, подберезовик верен только березе. Куда береза, туда и он. Вышла береза из леса на солонечную лужайку, и подберезовик там! Стоит рядом на короткой ножке в выгоревшей, потрескавшейся шляпке, от жары изнемогает, но терпит. Береза в сырью низину — подберезовик следом. Только шляпу сменил — наден черную. Грибник увидит и скажет: «Черноголовый поплыв!»

А если береза совсем в болото уйдет, да еще на мо-

ховую кожулезет, подберезовик явится в белой шляпке, и клочку его уже белоголовиком.

Так и ходит гриб следом за березой, только шляпу меняет. Но в какую бы шляпу ни наделся, это все тот же подберезовик — верный спутник березы.

ЧЕРНИЛЬНЫЕ ПЯТНА

У болота между березой и елкой нашла гриб: шляпка желтая, крошка подернутой, бахромою оторочена. Это — собачий груздь! Но и для нас хороши: красивый и вкусный.

Срезал сын груздь, мне подает, а желтая шляпка вся в фиолетовых пятнах!

— Опять руки не мыл, опять они у тебя в чернилах! — браню сына. — Весь гриб выпачкал!

— Папа, сын груздь, мне подает, а желтая шляпка вся в фиолетовых пятнах!

— Попади сыну груздь, мне подает, а желтая шляпка вся в фиолетовых пятнах!

— Кто же тогда гриба в лесу чернилами пачкает? — удивляется сын.

И в самом деле — кто! А никто! Боюсь уж нежные эти грибы. Чуть тронешь, а у него сразу смекно на шляпке.

Настоящие грибочки-недогроз.

ЁЛОЧКА

Горела прошлогонная сухая трава, и ветер тпал огонь к лесу. На опушке леса с треском загорелась небольшая ёлочка. Я бросился к ней на помощь. Огонь вокруг затопал сапогами, потом сломал ольховую ветку и принялся хлестать по горячей траве. Надо было отсечь огонь от леса.

Трава горела широко, по всей поляне. Наконец справился с огнем и вернулся к ёлочке. Она была опаленная, рыжая и стояла на черной обгоревшей земле. Но огонь не добрался до ее ствола и вершина была зеленой... «Выживет!», — успокоился я.

Много лет я не был в этом лесу. А вот недавно пришлось. Пришел я уже с сыном. Рассказал ему про пожар. Жива ли она! На опушке леса, где когда-то я спас маленькую зеленую ёлочку, стояла высокая красавица ель. Густые темно-зеленые лапы ее опускались до самой травы: казалась, елка стоит на упругих мохнатых лапах.

Сын потянул елку за колючую лапу и сказал: — Здрастуй! — и тут же вскрикнул: — Ой! Укололся! — спросил я.

— Нет. Смотри-ка, какие под ней грибки! Под приподнятой сыном еловой лапой стояли два чудесных белых гриба: большой и маленький. Ёлочка отблагодарила меня за спасение, принесла мне и сыну подарок.

КАК ГРИБЫ СОБИРАТЬ

На заброшенной лесной дороге вышли навстречу строем боровики: семь молодых друг за другом, восьмой, самый большой, в стороне. «Ать-даа! Ать-даа!» Наклонился я и скомандовал: «Марш в корзину!»

На обратном пути рассказал про боровики встречному грибочнику. Посмотрел он на них и ахнул:

— Какой же порядочный грибочник с корнем гриба выдернет! Ты же грибочнику нарушил!

Целую неделю ругал я себя, что не срезал гриба, а сорвал. А в субботу снова пошел в ельник на заброшенную дорогу. Издалека с облачением увидел — есть! Семь боровиков друг за другом, восьмой — в стороне. Будто те же грибы вышли навстречу! Отлегу сразу от сердца — жива грибочница, не испортил ее!

Срезал гриба и снова встречному грибочнику позавидовал.

— Да какой же грибочник ножом гриба режет! — сказал он. — Оставшиеся пенки загнивают и всю грибочницу испортил!

Вот тебе раз!

Снова неделя волнений. Но в следующую субботу встретили меня на дороге новые восемь боровиков! Грибочница не пострадала!

Так бы я, наверное, и собирал грибы на лесной дороге до самого снега, но однажды пришел туда и вижу: все дорожки намылены керосином. Как я ругал диких свиней! Но вдруг заметил свежие грибочные очистки. Не кабыны, жадный грибочник тут прошел! Мало показало восемь грибов, взбрало он весь мох в поисках девятого.

Я и теперь захожу иногда на заброшенную дорогу. Но не встречаю меня больше боровики ни строем, ни в одиночку.

Полосканию можно грибы собирать. Только нельзя по-санкино...

Гриб на грибе

РОБОТЫ НА ПОЛЯХ

В. ЧЕТКАРЕВ

Рисунки А. Януса

«Роботы, эти механические заменители людей, — всемогущие! — уверяют ученые. «Ну уж нет, — возражают им земледельцы. — Вести самолеты, прокладывать курс кораблю, стоять за станком — это службишка, не служба. Вы пустите-ка робота на прополку!»

И пустили. Обеспечили электронное чудо памятью и особым цветочувствительным глазом. Немного менее око аккумулятор проматывало рядок всходов. Если в поле зрения — зеленый друг, датчик давал команду: «Убрать вокруг все лишние всходы!» И в дело вступали прополочные ножи... Потом агрегат двинулся дальше.

Одним словом, эксперимент под Армавиром подтвердил: **Машины, если они умные, — могут многое.**

ОНИ ПАШУТ. Город Зерноград на Северном Кавказе стал местом проведения первого в нашей стране эксперимента по автоматическому вождению трактора.

Стальным богатырем словно бы управлял невидимка. Трактор уверенно шел по борозде, следуя всем изгибам рельефа, он вспарывал землю плугом со строго заданной глубиной. Да и скорость была не маленькая — девять километров в час! А качество обработанной почвы даже старинные хлеборобы нашли отменным.

Впрочем, будем беспристрастны. Эксперты хоть и одобрили работу ученых и производителей ленинградского объединения «Кировский завод», посоветовали сделать робота более универсальным. Раз такое дело, пусть он возьмет на себя и все прочие заботы тракториста. Обучение робота продолжается.

ПОЛИВАЕТ... Нива жаждет? Пусть же сама известит земледельца об этом! Именно так рассудили специалисты Государственного гидрологического института и создали удивительный прибор — нейтронный почвенный влагомер. Он угадывает «мысли» растений и дает сигнал на своевременное включение искусственного дождя.

Разумеется, для такого самоуправления крохотными датчиками нужно вооружить сразу многие грядки совхоза. О своих «желаниях» растения сообщат на центральный диспетчерский пункт. Специальные аппараты, получив сигнал, оподнесут им стакан воды или нажмут на выключатель...

ЛЕЧАТ... Памятка о том, чтограмм профилактики заменяет килограмм лекарств, ученые Всесоюзного института защиты растений предлагают делать предохранительные прививки... проконъюнтившимся на грядках побегам. Для этого

не нужен шприц. Рассадку можно опрыскивать из пульверизатора целебной вакциной, приготовленной из ослабленного болезнетворного вируса.

Автор этого нововведения профессор Ю. И. Васов рисует удивительную картину недалекого будущего наших полей. Среди зреющих нив появятся специальные роботы. Возникнет опасность заражения посевов — тут же включатся механические лекари. Они и проведут быстротечный курс лечения.

МАЯК В ТЕПЛИЦЕ

Что случилось бы, если солнце над нашими головами начало бы работать как маяк — через каждые несколько секунд посылая короткие всплшки в ночную мглу? Этим странным вопросом задались биологи города Пушкина. Ответ был неожиданным: под маяком солнцем мы получили бы обильные урожаи!

Темными осенними ночами одна из теплиц пригородного совхоза под Мурманском выделяется среди прочих весьма странным поведением — все лампочки в ней разом мигают, словно сигнальные огни морского маяка. Две-три секунды — короткое затемнение. И снова — яркая вспышка, длающаяся буквально мгновение... Здесь мы выращиваем самые дешевые на Севере

тепличные огурцы, — говорит экспериментатор, кандидат биологических наук Валентин Мефодиевич Бурев. — Но дело не только в отличных урожаях. На освещение теплиц теперь затрачивается значительно меньше электроэнергии. А ведь у овощеводов закрытого грунта три четверти всех расходов приходится именно на оплату показателей электропотребления. Да, очень полезным оказался в совхозе «Полярный» простенький робот — «мигалка».

Но как объяснить свои открытия сами биологи? Весь секрет в зерлах хлорофилла — клетках листа, окрашивающих его в зеленый цвет. Оказываются, даже проблеск в тысячную долю секунды недостаточен, чтобы листья зафиксировали световое луч. Следующая за всплшкой трехсекундная ночь очень полезна листьям. В клетках в этот момент проходят важные химические реакции, которые позволяют клетке хлорофилла к новому поглощению света.

Прерывистый свет ускоряет в растениях все процессы, они начинают быстрее развиваться. Под маяком солнечным взглядом механического маяка растениям намного приятнее, чем под непрерывной атакой лучей. Навсегда избавить земледельца от сорняков. Что ж, опыт следует признать успешным. Укрытие от «лета зловерная травка заявля, етва успева вылезти из-под земли! Но урожай... Неужто и ег постигла та же тяжелая участь? — Зеленый друг не пострадал, — успокаивает нас участник опытов агрофизик Иван Андреевич Романов. — Ведь робот, положив плечу, тут же своим пальчатыми-пшными пальцами не вела отверстия. Сквозь них-то по-сайнерному точно и выстреливали свои побег культурные кустики.

Надо ли говорить, что картофельное поле (а мы помали именно на него) никогда еше так не блаженствовало. Пленчатка обегалаа землю от заморозков. Не испарялась бесмысленно в воздух запасаемая весной вода. В жару не образовывалась корка. Не мешали сорняки. И люди не тревожили поле своим удом: ведь отпаала необходимость в окучивании, а также в рыхлении, культивации, прополке. А для поливки хватило двух-трех летних дождей.

К осени выявилось и еше одно преимущество: когда расклубили пленку, выяснилось, что клубни росли не в глубине, а прямо на поверхности почвы. Осенняя уборка не составила земледельцам практически никакого труда!

ЕСЛИ ВЫКЛЮЧИТЬ СОЛНЦЕ...

По рыхлой весенней земле взад-вперед ходил робот и укутывал поле в непроницаемое черное полотно...

Спрятать посадки от... солнца? Воспользовавшись этой идеей, ученые задушили раз и

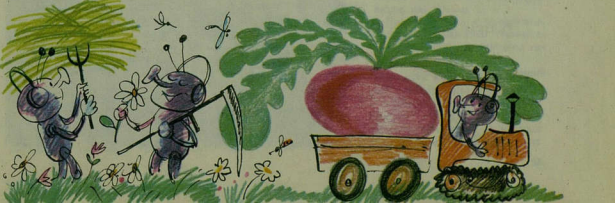
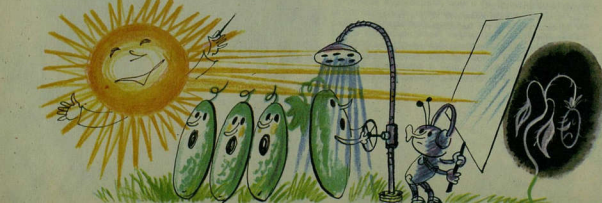
навсегда избавить земледельца смертельного врага пшеницы, — предупредили хлеборобы — ученые. — Прогноз был смелым. Ведь внешне ничто не предвещало беды, — вспоминает научный сотрудник Всесоюзного института защиты растений Нина Анатольевна Шибкоба. — Опасный грибок оживает, как правило, лишь в середине лета, когда не все мы заранее приняли необходимые меры. Небольшие очаги заболевания уродося удалось погасить. Жатва в Киргизии была обильной.

Предупреждать нашествие вредителей на многие годы вперед биологам помогли вычислительная машина и... Солнце. «Люди давно замечали: всплшки разных заболеваний растений строго следуют за изменениями активности нашего светила. При помощи кибернетических устройств и был составлен первый в мире многолетний прогноз урожайности сразу десятков полевых культур. Десятилетние наблюдения по стране подтвердили выводы специалистов.

ПЛУГ ПОД ТОКОМ изобретен в нашей стране. Вот что рассказывает о своем детиче конструктор В. Н. Алексеев: — К лезвию плуга я прикрепил пластину из металла, микродомы которого нужно вкести в почву. Ток, поданный на плуг, благодаря наличию в земле влаги, «течет» по замкнутой цепи: пластинка—почва—корпус плуга. При этом мельчайшие частицы металла — ионы — стекают в землю. Такие вкусовые добавки очень хорошо усваиваются растениями и увеличивают урожай.

МАШИНА-ПРЕДСКАЗАТЕЛЬНИЦА

Земледельцы в предгорьях Тянь-Шаня еше не закончили сева, а над сулящим урожаем уже нависла угроза. «Ожидается

ИМЕНИ ГЕРОЯ

Останавливаемся как раз против школы. Строгое двухэтажное здание. У школы — памятник — бюст человека со звездой Героя на военном кителе. На каменном пилоне

КАМЗИН КАНАШ

29.11.1919—13.4.1944

Еще ниже, у самой земли — цевты и венки. Чуть-чуть заросшие снегом. Ветер трогает зеленые листья. Они вздрагивают, будто их держат в руках.

— Летом здесь сад, птицы поют, — раздается у меня за спиной. Оборачиваюсь и вижу мальчика, не старше пятиклассника. Стоит на коныхках и держит сломанную клюшку.

— Почему ты не на уроке?
— Мне — во вторую. В хоккей играл. А вы новый учитель?

— Нет. Просто хочу познакомиться со школой имени Героя Советского Союза Канаши Камзина.

— Это можно, — щедро произносит он и добавляет как бы даже хвастливо: — И директор у нас — тоже Герой. Герой Социалистического Труда. Жаль, директора нет, в отпуске. Летом некогда работ много. Совхозу помогаю.

О ЧЕМ МЕЧТАЛ
КАНАШ

Родился Канаш в ауле Жолкудук (Жолдудеу-дюрюни). Был у него семеро братьев и сестер. Придя на первый школьный урок, заворожено слушал учителя. Ему казалось,

что это так просто — рассказывать то, что знаешь. Как река отдает воду полям, так учитель отдавал свои знания ученикам.

Может быть, именно тогда мальчику захотелось стать учителем...

Летом он вместе с мальчишками аула убежал на Иртыш. Купались, боролись, а потом валились на песок. Ногами к воде, лицом к небу. Подложив под голову руки, спрашивал у старших ребят: «Почему днем звезда нет? Почему река всегда течет в одну сторону?.. Почему не все смелые?»

Горе подкралось неожиданно: в голодное время умерли родители Канаши. Дети осиротели. Заботу о них взяло на себя государство.

В 1932 году Канаш становится воспитанником детского дома в городе Павлодаре. А затем до 1936 года учится в школе Казахской коммуны при детском. Мечта стать учителем крепнет. В детстве знают, что он хочет быть учителем. В том же году его, как

лучшего ученика, направляли продолжать учебу на рабфаке при педагогическом институте в Алма-Ате. Он хорошо учится, много читает и после успешного окончания рабфака поступает в Казахский педагогический институт имени Абая на историко-географический факультет.

И вот долгожданный день. Сбылась мечта Канаши! В июне 1941 года ему торжественно вручили диплом учителя.

...Но учителем ему все-таки стать не пришлось. Помешала война...

В июле сорок первого Канаш становится курсантом пехотного училища. Пройдя ускоренный курс обучения, ведет подготовку военных кадров для фронта, уже как командир.

Однако он уверен, что место его там, где идут бои. Он обращается к командованию с просьбой направить его в действующую войска.

Он отказ!

На услаживается и снова требует, чтобы его отправили на фронт.

стрелковой роты Канаш Камзин.

Командир батальона вызвал молодого офицера. Необходимо выбрать фашистов с высоты, прикрыть левый фланг и тылы наступающих от огня... И тихо добавил: «Постарайся, Канаш!»

Во главе с командиром бойцы ворвались на высоту и уничтожили фашистов. Во время боя Канаш был смертельно ранен.

КЛЕНЫ
У ОБЕЛИСКА

Рассказ Аушана Азбергеновича, участника поездки в Молдавию.

Прозвенел звонок с последнего урока. И тут же к нам пришли несколько участников поездки. Слушаем рассказ Аушана Азбергеновича:

5 мая из Павлодара мы выехали в Кишинев. С нами и четыре клена, которые мы везем вместе с землей. Хотим посадить их у обелиска.

памятника. Накрапывает дождик. Начинается митинг. Выступают и молдавские и наши школьники. Выступают участники боев за освобождение Молдавии: учитель средней школы из Бендер Озарянский Иван Артемович, а также учитель Гура-Быкулайской школы Тишаков Алексей Емельянович... Это вместе с ними сражался Канаш.

В тишине мы возложили венки, который привезли с собой, к подножию обелиска. Тут же посадили четыре клена.

Жители села плакали у обелиска, на мраморной плите которого навечно останутся имена трех героев:

КУЗНЕЦОВ
Иван Александрович

БОЧАРНИКОВ
Петр Степанович

КАМЗИН
Канаш

ОН НЕ ПОГИБ

Несколько секунд мы сидим молча. Каждый думает о своем. Может быть, о том, что если бы все люди на Земле дружили между собой, не было бы войны. И тогда не погибали бы такие прекрасные люди, как Канаш.

Приходит время прощаться. Выходим из школы. Пристаиваемся у памятника герою...

Ты, Канаш, как мечтавший стать учителем, стал им. Своей жизнью, уткой, но прекрасной, ты учишь нас жить и побеждать.

Утром в День Победы все село собралось на площадь у

ПАМЯТНИК У ШКОЛЫ

ПОСЛЕДНИЙ
ПРИКАЗ

В ноябре сорок третьего его просьбу удовлетворили. Вместе с товарищами уезжает на фронт.

Весной сорок четвертого начинается освобождение Молдавии. В ночь с 12 на 13 апреля наши войска под сильным огнем противника форсировали реку Днестр. В числе первых на вражеском берегу высадились командир третьей

СЕРИЯ 21

Осенняя встреча

ВЫПОЛНЯЕМ ВАШУ ПРОСЬБУ

Наскакал — кто это танкой?

НАША АФИША

Их имен зрители не видят в титрах, не знают их лица — ведь в фильмах они тщательно загримированы под артистов, которых дублируют.

Более чем в 80 лентах снялся каскадер Александр Самойлович Маскараский, а настоящее его лицо, его трудную работу можно увидеть только в одной короткометражной ленте «Будет фильм»; операторы Э. Розовский и К. Строганов показывали, как нелегко снимался фильм «Белое солнце пустыни».

Александр Самойлович Маскараский не мечтал о кино с пеленок: он учился в техникуме, потом в техническом вузе. Его увлечением была борьба самбо. Постигнув секреты самбо — борьбы без оружия, он стал обучать этому мальчишек. Чтобы стать хорошим тренером, закончил еще один институт — физкультурный имени Лесгафта. Сейчас Александр Самойлович — заслуженный тренер СССР, учит самбо ленинградских мальчишек.

Отличительные черты самбо — дисциплина, собранность и добродушие. Сильный должен быть добрым — так считает Маскараский и учит этому своих подопечных.

Самбо и привело Александра Самойловича в кино: в фильме «Звезда» по повести Э. Казакевича спортсмена пригласили дублировать актеров сложных эпизодах из жизни разведчиков. В начале своей работы он был лишь исполнителем трюков, но затем стал и их постановщиком.

«Король Лир», «Мертвый сезон», «Николай Бауман», «Геркулес Мантаис», «Республика ШКИД», «Белый флюгер», «Полуночный ветер», «Синяя птица», «Испытали только в лицо», «Комитет 19-ти», «Круж» — перечень фильмов, где ставил и исполнял трюковые сцены Маскараский, можно было бы продолжить, но это был бы очень длинный список.

Каскадеры по несколько раз приходится падать «убитым» с высоты пятого этажа. Или несколько раз повторять схватку с бандитом не на жизнь, а на смерть! Стольких репетиций и многочисленных дублей слабый духом не выдержит. А если вот так:

— Отвоюю предохоранитель пистолета. Расслабляю мышцы. Сосредоточиваюсь — и срывается с места! Сейчас за спиной раздается автоматная очередь. Но за несколько мгновений до этого я подпрыгнул, перевернулся в воздухе, чтобы уйти от пуль, и в перевооружении успею трижды выстрелить в выскочившего из машины человека. Потом упаду в траву и брошусь в джунгли.

Все идет как положено — бегу, взрываюсь в воздух, стреляю, падаю и... с ужасом вижу, как навстречу мне из травы метнулось острая голова змеи... Если бы можно было повиснуть в воздухе! Змея отводит голову для удара, который придется мне прямо в лицо. Но в отбавку столбом пистолета змеиную голову в сторону.

Уже лежа на земле, слышу удаляющееся яростное шурша-

ние. А на рукоятке пистолета рядом с пальцем расплылись две мутножелтые капли яда...

Об этом рассказал Александр Самойлович, вспоминая съемки фильма «Комитет 19-ти» в Конго, под Браззавилем.

«Полет» длился не более секунды, но для такой точной реакции каскадера нужны годы тренировок, после которых тело приобретает способность действовать быстрее мысли.

На первый взгляд, не так уж

сложно изобразить драку. Однако в каждой картине драка должна быть своя: посоревновались дети дерутся не так, как хулиганы, персонажи из средневековья двигаются не так, как наши современники...

Для исполнения трюка мало даже разносторонней спортивной подготовки, надо к тому же представить себя тем актером, тем героем, которого дублируешь. Здесь нужны соответствующая внешность, рост, телосложение и незаурядные ак-

терские способности. Надо вжиться в образ, чтобы на экране никто не заметил подмены.

Часто ребята спрашивают: взыграли ли быть в кино. Неужели дублеры вынуждены сносить за актеров удары? Да, на заре кинематографа долгое время принято было драться по-настоящему, и некоторые студии нанимали людей, ради заработка готовых выносить побои. Потом заметили, что зрители реагируют не на сам удар, а на его следствие, и вот парадокс — сыгранная драка выглядит на экране куда эффектнее настоящей! Драки стали разыгрывать. Но и здесь появились штатные. Согласитесь, что однообразны и шаблонны драки в «Фантастике» и во многих западных коммерческих лентах. Так что даже драку в кино надо играть влохновенно. Вспомните, как жестоко называли советского разведчика в фильме «Мертвый сезон».

А ведь замечательный актер Роман Быков на съемках этой сцены ничуть не пострадал: кулак иностранного агента приходил всякий раз в миллимет-

ре от лица актера, тот лишь мастерски изображал боль. Умение так «бить» — тоже из арсенала каскадеров.

А может ли актер-каскадер свои силы и отказаться от дублера?

Александр Самойлович рассказал, что он очень уважает актеров, которые все положенное по роли стараются выполнить сами. Такими артистами были Павел Лунскаев, Ефим Копелин. На правой руке Александра Самойловича я заметила простую массивную браслет. По международному правилу каскадер должен носить такой браслет, где выгравировано его имя и группа крови. Ведь доля риска всегда останется. Неларом космонавт Георгий Данилин в «Ванитасе» и наш Михайлович Гренко назвали риск профессией Маскараского.

Когда выйдет этот номер журнала, вы уже увидите новые фильмы о декабристах, о Тиме Уленштедте, телефильм «Сержант милиции». И восхищаясь ильи актеров, не забывайте о скромных и самоотверженных тружениках кино — каскадерах.

Ж. ТАЯЦЛИНА

Профессия — риск!

Оформление Т. Капустинской

НАША АФИША

Гаврик, Петя и его братишка Павлик — вас не надо спрашивать, откуда эти герои. Если вы дружно насмеете повесть В. Катаева «Белый парус одинокий». На киностудии имени Довженко режиссер А. Войтецкий завершает работу над многосерийным телевизионным фильмом с тем же названием.

ВЫПОЛНЯЕМ ВАШУ ПРОСЬБУ

Киноклуб получил несколько сотен писем от ребят, в которых они пишут о фильме «Самодельный митинг». На ваши вопросы отвечает режиссер картины Татьяна ЛЮЗНОВА.

ПОЧЕМУ ВЫ РЕШИЛИ СДЕЛАТЬ ФИЛЬМ О ВОЙНЕ?

В июне сорок первого я проходила на фронт ОА. А потом пришла похоронки, которую я три года емее правдами и неправдами скрывала от мамы, чтобы она верила — отец пропал без вести или ушел в партизаны...

О войне я и мои сверстники знаем не по книгам. Она стала частью нашей жизни, нашей юности. Первой же моей работой после окончания ВГИКа была картина о войне — «Память сердца». И в других моих фильмах, какими бы «мирными» они ни были, звучит эта тема.

Когда я прочитала роман Ю. Семенова «Семнадцать мгновений весны», твердо решила — буду делать фильм.

Я уверена: нет мальчишки, который не завидовал бы судьбе разведчика. Некоторым из них кажется, что разведчик — тот, кто совершает с необыкновенной легкостью целый каскад подвигов.

Действительная жизнь разведчика куда труднее и будничнее. Подчас она складывается из бесконечных ожиданий (как у Штирлица), вынести которые порой труднее, чем спастись от погони. И вообще очень редко в жизни разведчиков звучат выстрелы. Выстрелы — это значит провал, значит — разведчик раскрыт.

Да и враги на самом-то деле куда страшнее, коварнее, а внешне — обыкновеннее. Они могут быть корректными, вежливыми, остроумными. Вот и в нашем фильме Шеленберг, умеющий мило улыбаться и шу-

киноархивом, и документалистами Германской Демократической Республики.

Часто начало и конец эпизодов снимались с большим разрывом во времени, и надо было точно помнить, где кто стоял в начале эпизода, кто откуда вышел, кто как выглядел, кто хмурился, кто улыбался. Поэтому приходилось составлять по фильму специальные справочники, выпускать бюллетени.

Задолго до того, как начался подбор исполнителей, я приглядывалась к работам нескольких актеров, мысленно «примеряя» их к тем или иным ролям. Так произошло решение на роль Исаева — Штирлица пригласить Вячеслава Васильевича Тихонова.

— Нет, — сказал автор книги и сценария Юлиан Семенович Семенов, — Ваш выбор не годится. Я вижу в этой роли совсем другого актера.

Но я была уверена: Штирлиц, интеллигентный и волевой, сдержанный и очень добрый с теми, кто дорог ему, — эта роль для Тихонова! Союзником мне был сам Вячеслав Васильевич, которому очень хотелось сыграть Исаева. И я была рада, когда после премьеры фильма Юлиан Семенов признался, что лучшего исполнителя роли Штирлица не может себе представить.

Судя по письмам, юные зрители обращают внимание только на исполнителей главных ролей и совсем не замечают актеров, сыгравших эпизодические роли. Но вспомните, как блестяще сыграл Николай Гриценко роль офицера фашистской армии, с которым Штирлиц встречается в поезде. Умный, опытный, он отлично понимает, что война гитлеровской Германией бесславно проиграна. И для него это — личная трагедия. Как великолепно сумел Гриценко рассказать в очень коротком эпизоде о судьбе своего героя!

Одну сцену в своем фильме я сама не могу смотреть без волнения: это сцена допроса Кэт, когда гестаповец издевается над ее сыншшкой, оставляя младенца раздетым на холоде.

Перед съемкой этой сцены для мальчика, игравшего роль сына советской разведчицы, был создан специальный микроклимат на съемочной площадке, в павильоне было тихо, все мы ходили на цыпочках и говорили вполголоса. Дежурила медсестра — на всякий случай. И когда нашего мальчика раздели, ему, видимо, стало так хорошо, что рыдать он не пожелал — разувался! Мы так и не услышали его плача! На следующее утро в ближайшие ясли был командирован звукооператор, который записал на пленку рыдания другого мальчика.

Кадр из фильма

ПОЛКОВНИК ИСАЕВ — КТО ОН ТАКОЙ?

Может быть, это огорчит вас, друзья, но должна сказать, что в реальной жизни такого разведчика — Максима Максимовича Исаева — не было. Но были другие люди, чьи черты характеров, судьбы — в характере и судьбе Штирлица. Некоторые из этих людей работали рядом с нами на съемочной площадке, были нашими помощниками, консультантами нашей картины. Жизнь Исаева — это их жизнь.

СЛОВО К САМЫМ ЮНЫМ

В фильме «Семнадцать мгновений весны» есть такие кадры: Штирлиц празднует годовщину Советской Армии. Один. Сам с собой. Ему в этот вечер видится Москва, по улицам которой тянется нескончаемая колонна пленных немцев. Такого эпизода нет в сценарии. Он — из моей юности, из моей памяти. Заполненные народом улицы Москвы, кто-то вскарабкался на водосточные трубы, кто-то забрался на крыши. И все молчат. Молча плачут, молча ненавидят.

Я не хочу, чтобы у сегодняшнего молодого поколения были такие воспоминания.

Беседу записала М. ПАВЛОВА

тить, буднично приказывает расстрелять своих вчерашних сослуживцев. И, разглядывая казенных, замечает с легким удивлением — надо же, оказывается, у одного из них были вешушки, а он, Шеленберг, этого не замечал! Вспомните, как после добродушного похихатывания страшно холодеют глаза у Миоллера.

Таков он — настоящий враг. Он силен, умен и страшен. И тем ярче, выше, значительнее подвиг таких людей, как Штирлиц.

КАК СНИМАЛСЯ ФИЛЬМ?

Три с половиной года шли съемки, и это была сложнейшая работа. Мы сняли двенадцать серий — больше, чем предполагалось. Мы просмотрели гору документальных материалов, предоставленных нам и советским

АЛЛО!.. УБЕДИТЕЛЬНО ПРОШУ ВАС...

ФЕЛЬЕТОН
Вольф СУСЛОВ
Рисунок А. Януса

Как вы думаете: какое на свете самое великое изобретение? Колесо? Атомный реактор? Космический корабль? Не спорю, серьезные вещи. Но самое-самое великое — это телефон

Если уметь им пользоваться, можно что хочешь открыть, организовать, даже героем стать! Не верите? Ну так послушайте...

Учился в одной обыкновенной средней школе один необыкновенный ученик — Костя Домоседов. Сначала никто и не догадывался, что он необыкновенный, а потом в их классе решили организовать отряд красных следопытов.

— Ура! — крикнул пока еще обыкновенный Домоседов. — Борьтесь и ищите, найти и не сдаваться!

Все дружно зааплодировали.

— Мы все добудем, найдем и откроем! — заявил Домоседов. — Кто ищет, тот всегда найдет!

Тут все сразу почувствовали в нем что-то необыкновенное и выбрали Костю командиром. Конечно, вопросы задавать начали:

— А кого искать будем?

— Кого надо, того и будем, — авторитетно отвечал командир.

— А в поход пойдем? С рюкзаками?

— Рюкзаки отменяются. У меня свой метод!

Вскоре узнал командир, что их отряду поручается выяснять боевой путь отважного воина рядового Пехотинцева. Пришел командир Домоседов домой, сел за телефон и диск крутит.

— Алло!.. Библиотека? Вас беспокоит командир отряда красных следопытов Домоседов. Нам поручили выяснить боевой путь товарища Пехотинцева. Убедительно прошу вас подобрать всю литературу, где о нем что-нибудь написано.

— Военкомат? Здравия желаю, товарищи! Домоседов говорит. Очень прошу установить, на каких фронтах сражался рядовой Пехотинцев.

— Музей? Сделайте срочно копию с портрета товарища Пехотинцева.

— Редакция? Вам надлежит разыскать и сообщить нам адреса всех однополчан и родственников рядового Пехотинцева...

— Алло! Шефы? Для похода по местам боевой славы нам необходим транспорт. Подавайте нам автобус! Непременно с мягкими сиденьями, вентиляцией, горячим какао и экскурсоводом!..

И что бы вы думали? Месяца не прошло,

как Домоседов уже докладывал на торжественном собрании:

— Нами проделана огромная работа! В результате следопытского поиска мы выяснили боевой путь... Разыскали однополчан... Обнаружили редчайший портрет... Провели поход.

Вокруг только и разговоров что о Домоседове: ах какой следопыт! На три метра сквозь землю видит! Настоящий разведчик!

Пока просто про Домоседова говорили, я еще головой кивал, но как сказали «разведчик», — меня словно взрывной волной оглушило. «Как же так? — думаю. — Фронтowych разведчиков я хорошо помню, доводилось встречаться с ними в войну. А тут — какой же разведчик Домоседов этот?! Да если бы его — туда!..»

Сразу я все это себе представил.

Звонят, значит, из всех штабов командиру полка: «Так и так, мол. Прибыл с последним пополнением всем известный следопыт Домоседов. Рекомендуем его в разведку. Ибо много по этой части слышаны». Вызывает Домоседова командир полка:

— Надо бы, — говорит, — выяснить, где у противника стоят пушки.

— Слушаюсь, — отвечает Домоседов. — Это я мигом. — И бегом в землянку связистов у полевого телефона ручку крутить.

— Алло!.. Передний край? Убедительно прошу вас сообщить, где там у врага пушки стоят? Что-что?.. Лесок мешает? Сам сходи? Как это — «сам сходи»? А вы на что? Алло!.. Не слышу!.. Придется доложить, что связь оборвалась.

Очень удивился командир, услышав такой ответ. Даже спросил:

— А без телефона вы не умеете?

— Без телефона? Как это? — растерялся Домоседов... — Я всегда по телефону. В крайнем случае письменный запрос...

— Кру-гом! — скомандовал командир.

И отправил Домоседова на кухню. Картошку чистить.

На-да, великое изобретение телефон! Только мне-то самому звонить некогда: письмо вон пришло, ответа требует...

«Дорогая редакция! Наш отряд борется за право носить имя сержанта Саперского. Напишите нам, кто он такой и все, что вы о нем знаете. С пионерским приветом! Красные следопыты».

Вот так-то...

КУРС на ..петровец..

К счастью, этот шторм не был похож на изображенный Айвазовским в его картине «Девятый вал». Но порывистый ветер, который в Херсоне называют «изювкой», гнал по взбуртовавшемуся Днепру самое что ни на есть волны, да же с барашками.

— Неужели баркас придет? — засомневался я всуху, а Юра и Вова, словно сговорившись, воскликнули: — Как час!

Минут десять назад мы с мальчишками почти одновременно приоткрыли к месту переправы. Ребята сплели на гранитных ступенях у самой бурлящей реки, а я с интересом рассматривал обелиск, увенчанный бронзовым парусни-

ком и надписью: «Здесь в 1783 году построен первый 66-пушечный корабль Черноморского флота «Слава Екатерины».

Оказалось, что парнишки могут немало порассказать об истории Херсона, а дополнение к лаконичному тексту найдется.

А вскоре оказалась и баркас, державший курс явно в нашу сторону. Когда он причалил, у монумента слонялось уже два десятка девчонок и мальчишек со спортивными сумками, одинаково лихо переброшенными через плечо. Мои новые знакомые Юра Ганжа и Вова Кузьман о себе успели сообщить только то, что оба в тринадцать лет разочаровались в футболе и два месяца назад записались в секцию гребли на байдарке. Они прыгнули в баркас, едва тот коснулся гранитной стенки.

— Здесь же весь наш двор, кроме Витика Куленюка!

— Никогда еще не плавал в такую ветрягу!

Оба возгласа послышались почти одновременно, но тут же рулевой (он же капитан, он же матрос и т. д.) Михаил Павлович Пискунов цикнул на ребятню и отдал приказ крепко держаться за спидеры и друг за друга. Баркас бодало и слал не заливая. И все-таки веломой опытной рукой Михаила Павловича суденышко медленно, но верно приближалось к цели.

— Вот видите белое здание с флагом? — прервал молчание Юра Ганжа. — Это «Петровец».

Почти ежедневно держат

курс на белокаменный гребной клуб «Петровец» Юра, Вова и еще 1100 юных херсонцев, постигающих сложное искусство гребли на байдарках и каноэ...

Лену Сулейманову в этот денечный солнечный вечер подстергали осли гонимия. Потому что перевернулась ее байдарка на виду у многочисленных питомцев «Петровца» и специализированной детской спортшколы. Конечно, им, новичкам, как говорил тренер Платон Максимович Комогорцев, «по штату положено купаться», однако, во-первых, не каждый же день (а у Лены вчера и позавчера произошло то же самое), во-вторых, осенняя вода не очень-то теплая.

— Разве так учили тебя? — минуту спустя строго выговаривал неудачнице тренер. — Что нужно было делать, когда начала переворачиваться?

— Хлать весло на воду, чтобы не потерять равновесие.

— Знаешь ведь... Что, хватил на сегодня?

— Ой, нет, Платон Максимович, переоденусь в сухое и мы с Таней и Леной сходим завтра по пытоот.

Вот тебе и новички! Два километра (считая по пытооту) на байдарке — не шутка...

Он только с виду казался очень строгим, заслуженный тренер Украины Платон Максимович Комогорцев. Едва Лена убежала, улыбнулся:

— Девчонки эти, все трое — молодцы! И Сулейманова, и Нероза, и Слива. Им по 12 лет. Приметил их в сентябре во

время сдачи норм ГТО по плаванию. Предложил записаться в школу гребли. Сначала перепугались, думал — откажутся. Однако на следующий день вся троица явилась. И день ото дня новенькие все лучше владеют веслом.

Таня и две Лены из шестого «а» 16-й школы нашего с тренером разговора, естественно, не слышали, а посему, готовя извлеченную из воды байдарку Сулеймановой к новому плаванию, нет-нет да и бросали опасливые взгляды на внешне сохранявшего строгий вид тренера.

Совсем ниними были в этот осенний вечер заботы 14-летнего Гены Грищенко. Вроде бы три года в гребле — небольшой стаж, с другой стороны, кому как удастся. Гене, к примеру, удалось за сравнительно короткий срок настолько постигнуть искусство гребли на байдарке и приспособить свой организм к огромным физическим нагрузкам, что на чемпионате спортшкол Министерства просвещения СССР не нашлось ему равных.

— Он что, очень одаренный? — поинтересовался я у тренера и услышал:

— Видели бы вы его три года назад! Поначалу хотелось пососветовать мальчишке посягать свой досуг шахматам или шашкам — уж больно слабым выглядел Гена. Но мы-то, тренеры, знаем, что есть (и немало) ребята, могущие превозмочь все трудности, превозмочь себя. Грищенко как раз из таких. Как он подмалывал Баскет-бол, борьбу, кроссы. И это — кроме регулярных тренировок на лодке. Не отразилось ли на школьных занятиях? Даже очень — Гена стал учиться лучше. С этим делом у нас охотнее строго — и никому не хочется оказаться отстраненным от тренировок...

Таня Саенко и Оля Туркот — подружки и напарницы на байдарке-двойке. В день нашего

Гребцы
готовятся
к тренировке

Заслуженный
тренер
УССР
Комогорцев
со своим
вспыльчивым
Васильяном
Конюненко

Тренер Янушевский
со своими
вспыльчивыми
Васильем Цохелевым,
Валерием Сидоровым,
Сергеем Пострижником

знакомства девочкам предстоял обычный урок: тренер предложил преодолеть 6 отрезков по 300 метров в скоростном темпе («Девочки, обязательно с акцентом на скорость!», а затем «подтянуть пятисотку».

Вот что любопытно: в отличие от занятий по большинству видов спорта, где тренер постоянно держит ученика в поле зрения, в гребле чаще всего тренируемые, даже новички, почти все время — в отрыве от наставника. А самостоятельность требует безукоризненной честности. Впрочем, и тут не обманешь, — тренер безошибочно определяет, кто старался вовсю, а кто филонил.

Чего греха таить — попадают и в «Петровце», и в соседних клубах лодыри — явные и тайные. Но тайное становится явным в предельно короткий срок. Ну какой лодырь станет час-полтора в жару шкурить весло наждачной бумагой и стеклом? Или «всухую» долго и упорно отрабатывать нудные упражнения? Они исчезают с «Петровца» тихо и незаметно.

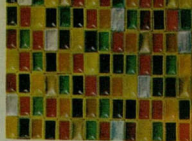
А остальные 1100 — по-прежнему чуть ли не ежедневно после школы держат курс на «Петровец». Их ждут опытные, беззаветно любящие греблю тренеры, ждут сотни ухоженных ребячьими руками

байдарок, каноэ (только в одной городской спортшколе их 370!), ждут тихие живописные протоки. Ну, а в мечтах — ждут лавры чемпионов. В мечтах, которые все чаще и чаще становятся реальностью.

Фамилии призеров мировых чемпионатов: Николая Конникова, Любы Синичкиной, чемпионов Европы среди юношей Виктора Воробьева и Александра Белого, сильнейших в стране Валерия Масюты, Валентина Мазура — это лишь начало списка лучших учеников школы.

Михаил ЭСТЕРЛИС
Фото Аллана Альперта
Оформление
Б. Петрушанского

8

Лаборатория ленинградской фабрики имени Фрунзе. Людя Бережная и Галя Соколова проверяют качество изготовленной на фабрике акварели и гуаши. Рецепт изготовления красок очень сложен. Пигмент — только основа краски. Чтобы краска хорошо держалась на бумаге, в нее добавляют связующие вещества, например крахмал и бычью желчь. Краски могут „заболеть“ — покрыться плесенью. Чтобы этого не случилось, им „дают лекарьство“ — антибиотики, а еще сахар, паутину и даже мед.

Все вещества тщательно взвешиваются, измельчаются и варятся в специальных котлах четыре часа.

После этого краска поступает в цех перетирки.

УГОЛЕК НА БОЛЬШОМ ЗАВОДЕ

Как эта путешественница попала на страницы нашего журнала?

Вглядитесь внимательно в рисунок. Все краски необычайно нежны, прозрачны и одновременно яркие. Великий русский художник Карл Петрович Брюллов нарисовал эту картину акварелью. Да, да, той самой акварелью, которой и вы раскрашиваете свои первые рисунки.

Слово „акварель“ означает — водяная краска. О ней мы и расскажем вам в этом „Уголке“.

Попробуйте закрасить акварелью карандашный рисунок. У вас ничего не получится, линии будут видны сквозь краску. Акварель обладает удивительным свойством — она прозрачна. А для того чтобы готовая краска стала прозрачной, валки этой машины перетирают краску настолько мелко, что даже самая крупная ее частичка становится во много раз тоньше человеческого волоса.

Только за один день на одной машине ударник коммунистического труда В. С. Клебанов изготавливает столько краски, что ее хватает на 12 тысяч формочек.

В далекие времена люди не знали ни железа, ни других металлов. Все свои орудия они изготавливали из камня. Иногда попадались камни необычные — мягкие, желтовато-коричневые. Как-то после удачной охоты один первобытный человек взял мягкий камушек и на стене пещеры нарисовал...

Ученые, открывшие через 20—30 тысяч лет эту пещеру, были поражены яркостью рисунков. Они определили, что краски первобытного художника — это камни, содержащие железо. Чем больше в них железа, тем темнее краска: от бледно-желтой до темно-коричневой.

2

Гуашь, как и акварель, тоже водяная краска. Только в отличие от нее не прозрачная, а, как говорят специалисты, укрывистая. Для этого в нее добавляется глина — каолин.

Трудно ли завернуть пробку на пузырьке с краской? Конечно, легко! А если этих пузырьков тысячи? Вот конструкторы и разработали машину, которая сама разливает гуашь в баночки и заворачивает крышки. Электронное устройство следит за работой всего агрегата. Веселой змейкой бегут по конвейеру пустые пузырьки, исчезают в бункере. А с другой стороны появляются змейки цветные — зеленые, красные, синие.

6

Лимонная, золотистая, бордовая, ультрамариновая — это все названия акварелей. Разбавляя их водой, можно получить бесчисленное множество оттенков. Но выпускаются краски в определенных наборах. Для самых маленьких всего 6 красок. Они только начинают рисовать. А для тех, кто занимается в специальных кружках и школах, есть наборы в 20 и 24 краски. Прежде чем стать настоящим художником, необходимо пройти „акварельную школу“. Но даже великих художников акварель всегда привлекала необычайно богатым сочетанием оттенков и своей воздушной легкостью.

Вот вы и узнали, как акварельные краски попадают в свои коробочки.

А теперь проверим, как вы умеете ими пользоваться. Уголёк объявляет конкурс рисунков на тему „Первобытный художник рисует охоту“.

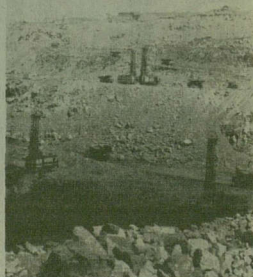
Рисунки на конкурс должны быть выполнены только акварелью или гуашью на чистой белой бумаге (без клеток и линеек).

Сгибать рисунки нельзя!

Победителей ждут награды!

Производство красок Уголку показывали журналист Евг. ГОЛЬСТ и фотограф Илья КОЛУН

7

Природные красители называются пигментами. Их очень много. Люди уже научились делать искусственные пигменты. В городе Тамбове есть большой завод, который их производит. Но до сих пор первенство остается за природными красками.

Давно ушло в прошлое то время, когда куски породы для изготовления красок собирали на поверхности земли. Геологи разведали в нашей земле громадные запасы железных руд. Огромные экскаваторы выгребают из земли целые горы будущего железа и одновременно будущих красок.

3

Все арчебековцы, отважно сражавшиеся за спортивный разряд, сегодня приглашаются помериться силами в призовом туре. Победители — 25 шахматистов и 25 шашкистов — будут удостоены награды.

Условия: шесть позиций, каждая ценной десять баллов. При равном числе баллов преимущество отдается участникам, набравшим больше очков в разрядных турах.

И еще важный пункт: не добравшие 10 очков до нормы в разрядных турах возмещают их, решив все шесть позиций тура призового.

А сейчас, доблестные рыцари, по делам!

Шахматисты, вот что вас ждет — А. Белые: Kpg6, Jla8, Cb8, Kd8; черные: Kpg8, Jlg4, п. g5.

Б. Белые: Kpa1, Фb1, Jc6, Cd3, Ke6, Kh3, пп. b2, c5, d4, e2, f3, g6; черные: Kpf6, пп. b3, c7, e7.

В. Белые: Kre2, Jc6, Kb1, пп. a4, b6, d3, e7; черные: Kpb3, Ca1, пп. a5, b2.

Г. Белые: Kre8, Cf8, пп. d3, e5, g6, h6; черные: Kpg8, Jlh8, пп. f3, h7.

Д. Белые: Kpe1, Фh1, Ce8, Kg6; черные: Kph3, Jb4, Ch2, пп. f5, g3, g4.

Е. Белые: Kpd5, Ce7, п. g3; черные: Kp11, Ka8, п. e3.

А. Б. В — в какое наименьшее число ходов объявляется мат?

Г. Д. Е — могут ли белые выиграть?

Шашкисты же ждут такие позиции.

А. Белые: a1, a3, c3, e3, f2, f4, g1; черные: a5, b8, c5, c7, g5, g7, h6.

Б. Белые: c5, d2, d4, b6, c3, g1, h2; черные: b2, b8, c7, f4, g3, g5, g7, h4.

В. Белые: b2, d2, b4, c5, h4; черные: c7, e5, f6, h6.

Г. (Д. Калинин, Ленинград). Белые: Д. h2, пр. d6; черные: пр. a5, d8, f8.

Д. (Сергей Матвеев, Новосибирск). Белые: a1, c1, e3, g3, g5, h2; черные: a3, c3, c5, d8, e5, f8, g7.

Е. (Сергей Орлов, Назарово). Белые: b4, c3, d2, e1, f2, g1, g3, g5; черные: a3, c5, c7, d6, e7, f6, h4, h8.

Представьте, что в этих шести партиях вы играете белыми. В каких придется проиграть, какие закончатся ничью, какие удасться выиграть? Ход всегда белых.

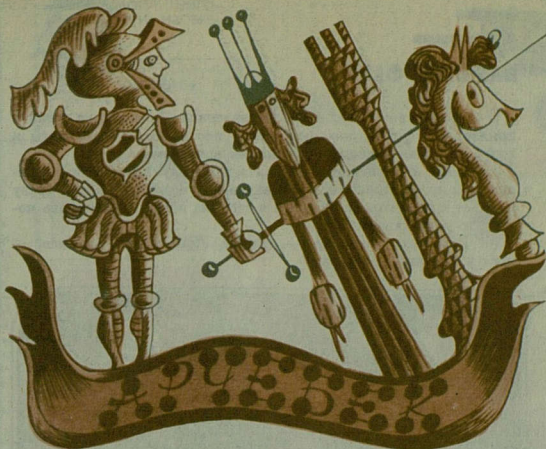
КОМИТЕТ

„ВОПРОС—ОТВЕТ“

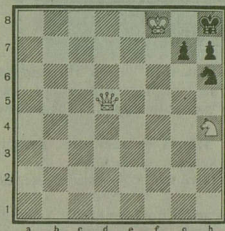
«Что означает «цугцванг»? Это слово я встречал не раз, а как его понимать, не знаю», — пишет Боря Ильичев.

Цугцванг — такое положение, когда невыгодно делать очередной ход. Вот простейший пример — белые: Kpe6, п. d7; черные: Kpf8. Ход белых. Они в цугцванге: ходить им сейчас невыгодно, именно из-за обязанности сделать ход они не могут выиграть.

Прием цугцванга широко исполь-

зуют шахматные композиторы при составлении задач и этюдов. Рассказывайте фигуры как на диаграмме.

Задание тут — мат в два хода. Решение — белые играют 1. Фh1!, после чего черные оказываются в цугцванге: любой их ход только ухудшает их возможности защиты и позволяет объявить черному королю мат. Пойди они пешкой, последует 2. Фa1X, а если пойти конем, то — 2. Kg6X.

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Внимание: боевое задание!

Почти год ты успешно вел борьбу за почетное звание рыцаря АРЧЕБЕКА. Осталось совершить последнее усилие — решить еще одну задачу. Вот она — белые: Kpf7, Jb3, Ke8, Kh5, п. g6; черные: Kph8, Cd4. Мат в два хода.

Сначала отправишь рапорт. Через

три дня после этого пошлешь просьбу о переводе в рыцари и свой «Листок учета», отметив в нем все завоеванные очки. Затем будешь ждать ответа шахмат-адмирала.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 8 решаются так.

Турнир-75! Шахматы — А. 1. Cg5! Jlf7 2. Cf4! Kc6 3. Cd2. Б. 1. Jla8! a5 2. b5 a4 3. b6 a3 4. b7 a2 5. b8K! Cd5 6. Kc6+ Cg8 7. Kd8. В. 1. Kpd6! Kpf3 2. Kre5! и т. д. (Но плохо 1. Kpd7? или 1. Kpd6! Kpf3! 2. Kre6?, так как это ведет к ничьей). Шашки. А. 1. d4! 2. ab6! c:a5 3. b6 4. [2X. Б. 1. b4! a1 2. db3! 3. c3! X. В. 1. g7! 2. g5! 3. d8X. Оруженосцы, шаг вперед! Знай говорил о ничьей: если конь стоял на g7 или на h8, то ничья давал ход 1. Kpe1!, а если на g8 или на h7, то — ход 1. Kpe2! Убедись сам, что тогда черному королю из угла не выбраться.

ПРИКАЗ № 10

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям и оруженосцам отослать рапорты до 1 декабря.

§ 2. Рапорты, написанные небрежно, не принимаются.

§ 3. Жюри — подготовиться к подсчету баллов и определению победителей, заслуживающих награды.

§ 4. Всем участникам Турнира-75! объявить благодарности!

Шахмат-адмирал Ферзберри

НАУЧНЫЙ ФАКТ

В лабораторию Михайлы Васильевича Ломоносова явился придворный фронт, который совал нос в колбы и реторты и долго надоедал ученому глупейшими вопросами.

— Какое объяснение может дать ваша наука вот такому удивительному явлению: если я стану вверх ногами — кровь сразу прильет к моей голове. А когда я стою на ногах, к ним кровь почему-то не приливает?!

— Так ведь, батюшка, — отвечал Ломоносов улыбаясь, — ноги у вас, чай, не пустые!

СОЛО НА ПИШУЩЕЙ МАШИНКЕ

Любимец варшавской публики соловьиный тенор Ян Кепура зачастую сам сочинял тексты своих песенок и романсов. Он диктовал законченные стихи машинистке, с которой работал не один год.

Сегодня машинистка была не та, работа не ладилась, девушка, нервничая, стала дрожащими руками менять ленту.

— Ну и ну, — сказал раздраженный певец, — вы даже не умеете заправить ленту в машинку!

— Ну и что, — возразила девушка, презрительно усмехаясь, — а вы думаете, великий Шопен умел настраивать свое фортепьяно?

Твой комсомольский билет	1
очерк Г. Георге	
рисунок А. Гетманского	
Лисенок	2
рассказ Ю. Фролова	
рисунок В. Топкова	
Люди из песни	4
очерк Ю. Шестакова	
рисунок В. Цикоты	
Тройка с минусом, или	
Происшествия в пятом «а»	7
повесть И. Пизоваровой	
рисунок Ю. Шабанова	
Барабан	24
журнал юнкоров	
Братцы-кролики	28
рассказ А. Гиневского	
Десант выходит к реке	
очерк Г. Балуева	
рисунок В. Завьялова	30
Батальонная знаменитость	
рассказ Н. Боярского	
рисунок Г. Ясинского	36
Праздники	
очерк С. Давыдова	
рисунок К. Овчинникова	39
Морская газета	42
Охотники за динозаврами	
очерк И. Войтенко	
рисунок Ю. Клыкова	44
Зеленые страницы	48
Работы на полях	
очерк В. Четкарева	
рисунок А. Януса	50
Памятник у школы	
очерк И. Сабилло	
оформление А. Ежелина	52
Киноклуб	54
Алло! Убедительно прошу	
вас...	
фельетон В. Суслова	57
Курс на «Петровец»	
очерк М. Эстерлиса	58
Уголёк	
журнал для малышей	61
Арчебек	
шахматы и шашки	63
На обложке гравюра В. Блинова	

Главный редактор С. В. САХАРОВ

Редакционная коллегия:
Г. В. БАЛУЕВ, В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ, Т. В. ЗАХАРОВА, Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь), А. И. ПАНТЕЛЕВ, Л. Н. ПОЖИДАЕВА, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, И. М. СПАКОВ

Осенним вечером
Мы грелись у камина.
Гном-Гастроном
Нас пирогами потчевал,
А мы придумали
Игру «Кострины»,
Что значит:
«Конкурс ОСТРОУМНЫХ
И НАХОДИЧЫХ».

Так Сиволопыч описал в стихах рождение новой игры. Хуссейн привнес к этому следующее:

— На идею «Кострины» натолкнуло нас письмо ИРЫ ГУСЕЛЬНИКОВОЙ, ТАНИ СОКОЛ и НАДИ ПРОСВИРИНОЙ из села Огнево-Заимка Новосибирской области. Эти девочки, неоднократные победительницы турниров КВН, прислали нам загадки, которые мы тоже включили в первый тур «Кострины». К ним мы добавили свои загадки и вопросы и загадки, присланные другими ребятами, а заодно разработали следующие правила игры:

1. Играют четыре человека или больше.

2. Каждый из играющих по очереди задает вопрос, а остальные поднимают руки, ожидая, когда их спросят.

3. Все, поднявшие руки, дают ответы. Ответы не обязательно должны быть правильными, но обязательно смешными. Если, кроме отвечающего, никто не засмеялся, за ответ начисляется 0 очков. Если засмеялся еще хотя бы один человек — начисляется 1 очко. Если засмеялось больше половины присутствующих, отвечающий получает 5 очков. Если засмеялись все — 10 очков.

4. Затем очередной участник задает следующий вопрос и т. д.

Выигрывает тот, кто набрал больше всех очков.

Загадочный рисунок Хуссейна. Что это такое! 1

Загадка Хуссейна: Что никто не хочет иметь, но и не хочет потерять! 2

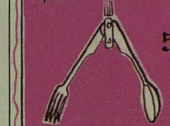
Загадка Демьяши: Какой человек носит самую большую в мире шляпу! 3

Автор ПРОХОРОВ Е.
из Одессы.

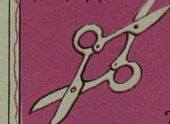
Автор Саша МОСИН,
Пермь.

Автор Гая МАРКОВА,
г. Чехов.

Автор Света КУЗНЕЦОВА,
Бугульма.

Автор Марина МОРОЗОВА,
Москва.

Автор Сергей ХРАМЦОВ,
Шадринск.

ЗАГАДКИ ИРЫ ГУСЕЛЬНИКОВОЙ И ЕЕ ПОДРУГ:

10 Что это такое!

Что такое нечистая сила! 11

Что у зайца сзади, а у цапли спереди! 12

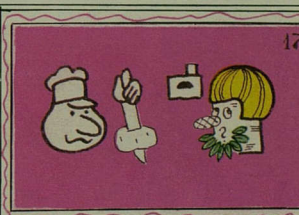
13 Загадочный рисунок Сиволопыча. Что это такое!

Загадки Сиволопыча: У какого зверя самая теплая шерсть! 14

Задачи Ларисы ДЕМАКОВОЙ из Кемеровской области и Людэ РЯБЦЕВОЙ из Красноярского края: Горело 7 свечей. 2 потушили. Сколько осталось! 15

Загадка Т. ГОРЛОВА из Омской области: Кто становится выше, когда садится! 16

ОТВЕТ НА ЗАДАНИЕ
ПРЕДЫДУЩЕГО НОМЕРА:

У Демьяши на спине вышиты таблицы спряжения глагола «учить» и склонения местоимения «он». Стихи Хуссейна: «Ура Демьяше за смекалку. Себя он превратил в шпаргалку!»

Сергей Есенин. Его поэзия неотделима от нашей Родины, как пшеничное поле, как береза у тихой реки... 3 октября поэту исполнилось бы 80 лет.

Рисунок М. Басмановой

С. ЕСЕНИН

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Колесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,

Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани.